

Лидия Чарская

Щелчок

Лидия Алексеевна Чарская

Щелчок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634935

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Однажды летом девочка нечаянно вышла из сада на берег реки и исчезла... По следам на земле, убедились, что она пошла к крутому берегу реки. Здесь следы терялись... Не было никакого сомнения, что она оступилась, упала в воду и утонула. Так решили все...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	26
Глава VII	30
Глава VIII	36
Глава IX	41
Глава X	46
Глава XI	53
Глава XII	57
Глава XIII	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	75
Глава I	75
Глава II	83
Глава III	88
Глава IV	93
Глава V	100
Глава VI	107
Глава VII	112
Глава VIII	123

Глава IX	128
Глава X	133
Глава XI	139
Глава XII	141
Глава XIII	144
Глава XIV	148
Глава XV	153
Глава XVI	156
Глава XVII	162
Глава XVIII	168
Глава XIX	171

Лидия Алексеевна Чарская Щелчок

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

На утренней заре, задолго до восхода солнышка, из леса выехало несколько крытых грязным полотном телег.

Лишь только телеги остановились на лесной опушке, из-под навесов их выскочили смуглые, черноглазые, курчавые люди с вороватыми лицами и грубыми голосами.

Взрослые мужчины, одетые в рваные куртки, со старыми мятыми шляпами на головах, с порыжевшими запыленными сапогами, принялись отпрягать лошадей, в то время как пестро и ярко наряженные в цветные лохмотья женщины и грязные, до черноты загорелые ребяташки, в одних холщовых грубых рубашонках, вместе с подростками стали собирать су-

хие ветви и сучья для костра.

Вскоре костер этот был готов и запылал среди лужайки у леса.

Одна из женщин поставила на огонь большой черный таганец с крупую, другая, старая, с седыми лохмами, выбившимися из-под платка, взяла в руки огромный каравай хлеба и большой кухонный нож.

– Эй, вы, дармоеды, подходи за едою! – закричала резким голосом старуха и, нарезав хлеб ломтями, стала оделять им толпившихся вокруг нее ребят.

Последние с жадностью хватали куски, причем старшие из ребятишек вырывали хлеб у младших. Поднялись невообразимый шум, гам, писк и плач.

Старуха с крючковатым носом издали погрозила костлявым пальцем расшумевшейся детворе, но те и не подумали утихнуть. Напротив, еще отчаяннее закипела, еще более усилилась возня.

– Эй, Иванка, уйми ребят, что ли! Сладу с ними нет! – крикнула кому-то старуха.

Из-под навеса ближайшей из телег вылез высокий широкоплечий мужчина, одетый чище и лучше остальных, с серебряной серьгой в ухе, с длинною ременною плетью в руке.

– Эге, мелюзга не в меру расшумелась! – свирепо взглянув на дравшихся ребятишек, крикнул он что было сил и, взмахнув своей страшной плетью, опустил

ее на спины дерущихся ребят.

Дружный отчаянный визг огласил опушку, и малыши, как стая испуганных воробьев, разлетелись все в разные стороны от сурового дяди Иванки и его страшной плети.

– Еда поспела. Ступайте хлебать похлебку, – проговорила молодая женщина, хлопотавшая над таганцом у костра.

На это приглашение со всех сторон потянулись прибывшие на опушку леса люди, стали рассаживаться у огня. Старуха нарезала хлеба, молодая сняла котелок с огня и поставила его перед усевшимися в кружок мужчинами. Каждый вынул из кармана деревянную ложку и стал с жадностью черпать ею похлебку, находившуюся в котле.

Только подростки и малыши остались без завтрака. Они жевали черствые корки хлеба и с завистью поглядывали издали на евших у костра людей.

Смуглые люди были цыгане. Как и все цыгане, они вели бродячую жизнь, переезжали с места на место в своих крытых телегах, останавливаясь всем табором лишь на короткое время то здесь, то там, где-нибудь на краю деревни или вдали от города. И тут у них начиналась «торговля»: мужчины обменивали лошадей на рынках (по большей части дурных на хороших) или продавали неопытным людям своих никуда не годных

лошадей; женщины же и дети бродили по окрестностям своих стоянок, гадали на картах или предсказывали судьбу по линиям рук, получая за это по нескольку копеек; чаще же всего, без всякого гадания, они выпрашивали милостыню.

Но ходили небезосновательные слухи, что цыгане не прочь и воровать при случае, и где бы они ни побывали – везде как-то загадочно пропадали разные вещи.

За это цыган повсюду презирали и преследовали, и они, никогда не останавливаясь подолгу на одном месте, старались укрываться вдали от селений.

Таковы были люди, расположившиеся рано утром на опушке леса.

Глава II

Оставьте меня! Не мучьте меня! Что я сделала вам? Отпустите меня! Оставьте! Я не виновата! Я ни в чем не виновата! Отпустите же! Не троньте меня!

Вдалеке от костра, с рассевшимся вокруг него взрослым населением табора, собралась небольшая группа подростков – черномазых мальчишек и девчонок, одетых в такие же, как у взрослых, грязные пестрые лохмотья. Схватившись за руки, они образовали небольшой хоровод и кружились с громким хохотом, свистом и улюлюканьем, выкрикивая то и дело резкие, грубые, бранные слова.

В их кругу, со всех сторон замкнутая ими, металась девочка, лет девяти-десяти.

Маленькая, худенькая, тщедушная, с белокурыми, как лен, волосами, она резко отличалась от смуглых до черноты цыганских детей своею внешностью и белой кожей, слегка тронутой налетом загара и пыли.

В ее больших синих глазах стояли слезы, все худенькое тело дрожало; она испуганно поглядывала взглядом зверька, затравленного до полусмерти, на кружившихся вокруг нее ребят.

От быстрого кружения хоровода у девочки рябило в глазах; от крика и гама болела и кружилась голова;

сердце то замирало от страха, то колотилось в маленькой груди, как подстреленная пташка.

– Отпустите меня! Отпустите! – молила она со слезами на глазах, протягивая вперед худенькие ручки.

Но шалуны не обращали внимания на ее просьбы и мольбы.

Громче, пронзительнее раздавались их крики. Все быстрее и быстрее кружились цыганята. Все резче и пронзительнее хохотали они, потешаясь над маленькой жертвой, метавшейся среди круга и молившей их о пощаде.

И вот неожиданно, быстро остановился хоровод как вкопанный.

Высокий, долговязый мальчишка, лет четырнадцати, с неприятным воровато-бегающим взглядом и кривой усмешкой, отделился от круга, приблизился к девочке и заговорил, кривляясь и строя страшные гримасы:

– Отпустим тебя, если ты нам спляшешь... Попляши, не смущайся, пряник дадим... А плясать не станешь – не взыщи... так тебя огрею кнутовищем, что небо покажется с овчинку. Ну, пляши! Слышишь, пляши! Ха, ха, ха! – заключил он громким хохотом свою речь.

– Ха, ха, ха! – отозвались ему другие ребята таким же злорадным смехом. – Попляши, Галька; ну же, ско-

рей попляши!

Они запели гнусавыми голосами:

Барышня-сударышня,
Бараньи ножки...
Барышня, попляши!
Твои ножки хороши,
Бараньи ножки
Распрями немножко...

И, схватившись снова за руки, завертелись и запрыгали вокруг той, которую называли Галькой, угрожая ей кулаками, сверкая глазами и показывая языки.

А Яшка Долговязый, как звали старшего мальчугана, совсем близко подошел к худенькой девочке и, выхватив из-за пояса кнут, почти такой же, как у дяди Иванки, хозяина табора, только поменьше размером, взмахнул им над головой несчастной.

– Пляши сейчас же, чужачка негодная! Ой, тебе говорю, Галька, лучше пляши!

– Оставьте меня, я не умею плясать, – с отчаянием в голосе простонала девочка.

– Ага, не умеешь! Хлеб наш цыганский умеешь есть, а плясать не умеешь! Каждая цыганка должна уметь петь и плясать. На то мы и вольные птахи, цыганские птицы певчие...

– Я же собираю милостыньку... Я же не сижу без

дела, – чуть слышным шепотом оправдывалась девочка.

– Ха, ха! Много ты собираешь!.. Дармоедка ты, вот тебе и весь сказ!

И, злобно сверкнув глазами, он прибавил, грубо дернув девочку за коротенькую белокурую косичку, болтавшуюся у нее за спиной:

– В последний раз спрашиваю я тебя: будешь ты плясать нам или нет?

И так как Галька, окаменев от испуга, стояла, не двигаясь с места, и только моргала полными слез глазами, он снова поднял руку с кнутом и высоко взмахнул им над головой своей жертвы.

Отчаянный вопль боли и ужаса вырвался из груди девочки. Она протянула ручки по направлению к лесу и громко закричала, собрав все свои силы:

– Орля! Орля! Где ты? Спаси меня, Орля! Спаси!

Глава III

Я здесь! Здесь я, Галина! – слышался звонкий, свежий голосок, и на опушку леса выскочил мальчик лет двенадцати и, в несколько быстрых прыжков, очутился в кругу детей.

– Ага! Опять обижали Гальку! Ну уж, ладно, теперь не спущу! Держись! – крикнул он по-цыгански и быстрым взором смерил Яшку с головы до ног.

Его черные, с иссиня-белыми яблоками белков глаза сверкнули бешенством; сильные, грязные руки сжались в кулаки; курчавые волосы, ниспадая на лоб и брови, придавали дикий вид его смуглому лицу с яркими пунцовыми губами, сквозь алые каемки которых сверкали ослепительно белые, как сахар, зубы.

Яшка был на целую голову выше вновь прибывшего цыганенка и года на два старше его. Но меньше всего об этом думал черноглазый Орля.

– Раз! Два! Три!

С быстротою и ловкостью кошки он прыгнул на грудь Яшки и вцепился в его плечи так быстро, с такой неожиданной силой, что тот не выдержал натиска, зашатался и, не сумев сохранить равновесия, очутился на земле.

– Ага! Попался! Будешь знать теперь, как обижать

Гальку!..

Яшка бессильно барахтался, лежа на земле, а на груди его сидел торжествующий Орля.

Сильный, здоровый, ловкий мальчуган напряженно сжимал коленями ребра противника, в то же время руками прижимая его плечи к земле. Свободными оставались только ноги Яшки, которыми он и выделял, желая вырваться из рук врага, такие уморительные и потешные движения, что, глядя на него, все остальные ребята не могли удержаться от смеха.

– Ай да Орля! Молодец, Орля! Орел наш, недаром так зовется! – кричали они, позабыв, что только за минуту до этого были на стороне Яшки, который всячески подзадоривал их дразнить и мучить бедную Гальку.

Этот смех и одобрения пришлись, однако, не по вкусу черноглазому Орле.

– Эй, вы! Молчать у меня! Чего рты разинули? – закричал он звучным, сочным голосом. – Знай все, кто хоть раз пальцем посмеет тронуть Гальку, словом единым обидит ее, с тем я разделаюсь по-свойски! Слыхали?

– А ты, Долговязый, вот что, – добавил он с угрозой своему поверженному врагу, – ты у меня смотри: на этот раз отпущу – колотить не стану, а впредь не помилую... Ты ведь знаешь, я сильнее тебя, Яков, и шу-

тить не люблю... А чтобы ты помнил раз и навсегда слова мои, вот тебе в наказание...

Тут, с быстротою молнии, Орля выхватил из руки все еще барахтавшегося под ним длинного цыганенка кнут и, в одну секунду переломив его на несколько мелких частей, далеко отшвырнул обломки кнутовища в кусты, прибавив уже с добродушным смехом:

– Ну, какой ты теперь цыган, Яшка? Без кнута цыган – то же, что без седла конь! Осрамился ты, Долговязый, на долгие годы. И поделом тебе!.. Не будешь Гальку обижать.

Красный, сконфуженный, униженный, поднялся с земли Яшка. Его злые, разгоревшиеся, как уголья, глаза метали целое пламя бешенства, зубы оскалились, как у дикого зверя.

Орля сказал правду: кнут является неизбежной необходимостью каждого цыгана и подростка; цыганята очень важничают, имея при себе хорошие, прочные кнуты. Потеря такого кнута считалась большой оплошностью как для взрослого, так и для мальчика-подростка.

Вот почему, рыча по-звериному, озлобленный Яшка подступил к Орле с налившимися кровью глазами, с угрожающе сжатыми кулаками.

– Слушай ты, молокосос! Да я тебя за это!.. Да я тебя за это!..

Он не успел докончить своей угрозы. Пронзительный свисток пронесся в эту минуту по лесной опушке и замер в лесу.

Дети разом встrepенулись и засуетились.

– Дядя Иванка кличет! Хозяин кличет! Слышь, ребята, зовет хозяин! Бежим к нему, живо!

И они кинулись дружной толпой в ту сторону, откуда слышался призыв свистка.

– А мы еще посчитаемся с тобою! – пробегая мимо черноглазого Орли, прошипел ему в самое ухо Яшка. – Ты так легко не уйдешь от меня. Врешь, не уйдешь!

– Ладно! Заведи раньше себе кнут, Долговязый, – добродушно ответил ему тот и, взяв за руку все еще плакавшую девочку, произнес не то ласково, не то ворчливо:

– Ну, полно, не реви, Галька! Страсть не люблю, когда режут! Слышишь? Перестань сейчас же! Дядя Иванка звал. Идем к нему, – и, взяв за руку девочку, он поспешил на зов вслед за другими ребятами.

Глава IV

Под ветвями развесистой липы, на пне срубленного дерева, сидел высокий цыган, с серьгой в ухе, и строгими суровыми глазами поглядывал па всех из-под нахмуренных бровей.

Это и был хозяин и начальник табора, дядя Иванка, очень суровый, взыскательный человек, безжалостно наказывавший своих подчиненных за малейшую провинность.

При каждой новой остановке табора дядя Иванка делал тщательный осмотр всем приобретенным на последней остановке добычам.

Старшие уже успели сдать хозяину все, что успели выклянчить или награть у людей; теперь наступила очередь подростков и детей.

– Эй, вы, команда, все собрались? – грубым голосом окликнул хозяин сбежавшихся к нему ребят.

– Все, дядя Иванка! Как есть все! – отозвались те дружным хором.

– Ну, так живо показывай, у кого что есть.

Едва только цыган успел сказать это, как дети бросились врассыпную, каждый к своей телеге. Бросился и бойкий Орля, Галькин защитник, вместе с другими.

Только одна белокуренькая Галька осталась стоять

перед дядей Иванкой с потупленными глазами и опущенной на грудь головой.

Ей незачем было бежать за добычей. Она ничего не смогла выпросить в тех усадьбах и деревнях, около которых они останавливались табором последние дни. Беленькая Галька не умела воровать, а милостыню цыганкам подают скупно.

Впрочем, Галька не была цыганкой.

Лет восемь тому назад Орлина мать, чернобровая красавица Марика, привела откуда-то хорошенькую, нарядно одетую двухлетнюю девочку, сказав, что нашла ее заблудившейся в лесу.

Девочку, названную тут же цыганами Галькой (очувтившись среди цыган, с испуга бедная крошка никак не могла сказать, как ее зовут), решено было оставить в таборе и научить просить милостыню по деревням. Марика надеялась, что хорошенькой беленькой, нежной девочке будут подавать больше, нежели грубым, вороватым цыганским ребятишкам, но она жестоко ошиблась. Гальке не приходилось часто собирать милостыню. Она постоянно прихварывала и больше лежала на грязной перине, под навесом телеги, нежели ходила с протянутой ручонкой.

Ее за это невзлюбили в таборе, считая белоручкой и дармоедкой. Пока жива была Марика, заступавшаяся за свою питомицу, жизнь Гальки еще не была

особенно тяжела. Но вот, случайно простудившись и схватив болотную лихорадку, Марика умерла, проболев недолго, и Гальку начали травить и мучить взрослые и дети.

Один только Орля, ее названный брат, защищал приемную сестренку, как только мог. Не раз он выручал ее из беды, не раз спасал ее от побоев, от страшного кнута дяди Иванки, уделяя бедной девочке часть добычи, которую особенно ловко приобретал он по усадьбам и деревням.

Но сегодня, как нарочно, история с Яшкой вытеснила из головы Орли мысль о том, что Галька с пустыми руками идет перед грозные взоры страшного хозяина. Да и сама Галька, затравленная Яшкой и его сообщниками, забыла об этом.

– Нет, сегодня ей не миновать кары... Сердце девочки дрогнуло и сильно забилось. Между тем к дяде Иванке снова сбежались ребятишки шумной гурьбой. Каждый из них принес что-нибудь.

У Орли под мышкой отчаянно бился и визжал поросяенок.

Яшка тащил кудахтавшую курицу, его сестра, рябая Дарка, – пару утят; Аниска-кривой – огромный каравай хлеба; кто-то – красную крестьянскую рубаху; кто-то – пояс и горшок с остатками каши. Даже маленький семилетний Михалка сумел стащить из-под носа

зазевавшейся хозяйки пару стоптанных туфель.

Каждый из ребят с гордостью складывал свою добычу к ногам хозяина и отходил от него, очень довольный хозяйской похвалой.

Наконец последний мальчуган принес и бросил на колени дяди Иванки огромный кочан капусты, стащенный им на огороде.

Теперь наступила очередь Гальки, и глаза всех направились па нее.

Глава V

– Ну, а ты, белоручка, что принесла? – неожиданно загремел над испуганной девочкой грозный хозяйский окрик.

Галька, едва держась на ногах, дрожа всем телом, выступила вперед.

– Я... я... я... – начала было девочка.

– Опять ничего? Это в который же раз ты ничего не приносишь! – топнув ногою, крикнул дядя Иванка, и глаза его под нахмуренными бровями загорелись злобным огнем.

Молчание Гальки, ее испуганный вид и бледное, как снег, лицо не разжалобили свирепого сердца цыгана, а, казалось, напротив, еще более того распалили в нем злобу и гнев.

Он строго посмотрел на девочку, ударил себя рукой по колену и сказал:

– Ну, довольно, моя милушка! Нынче же снимется и отойдет отсюда табор, а тебя мы покинем в лесу. Хочешь – умирай голодной смертью, хочешь – ищи себе новых благодетелей, а нам такая дармоедка, как ты, не нужна.

Услышав эти слова, бедная девочка задрожала всей телом.

Как ни тяжела была ее жизнь впроголодь и в грязи у цыган, но все же у нее был хоть угол в телеге и кусок хлеба с остатками похлебки.

А самое главное – здесь был Орля, ее милый братик и заступник, которого одинокая Галька любила всеми силами своей детской души. Без Орли вся жизнь для Гальки казалась бессмысленной и ненужной.

И вот она принуждена покинуть Орлю и остаться одна-одинешенька в этом глухом, жутком лесу...

Девочка закрыла обеими ручонками побледневшее личико и тихо, жалобно застонала.

– Дядя Иванка! – звонко выкрикнул детский голос, и Орля с быстротою стрелы вылетел из толпы, расталкивая ребятишек и взрослых.

– Дядя Иванка! Слышишь! Исхлещи меня кнутом до полусмерти, а Гальку оставь! Оставь, молю тебя об этом! – вне себя, захлебываясь и волнуясь, выкрикнул мальчик и повалился в ноги хозяину, обвивая руками его колени.

– Пошел вон! Еще что выдумал! Просить за дармоедку!.. Сказано, выброшу ее из табора – и делу ко...

Дядя Иванка осекся, смолк внезапно, оборвав на полуслове свою фразу, и замер на месте...

Замерли и все остальные, взрослые и дети, замер весь табор.

Прямо на них, по дороге, скакали пять всадников... Один взрослый, тоненький студент в белом кителе, и четыре мальчика-гимназиста – все на обыкновенных сытых и быстрых господских лошадях, а один, передний всадник, крошечный по росту мальчуган, белокурый и хорошенький, на статном чистокровном арабском коне.

При виде этого коня дух замер у всего населения табора.

Такого красавца копя еще не встречали на своем пути ни дядя Иванка, ни все остальные цыгане за всю их жизнь.

Рыжая шерсть лошади червонным золотом отливала в лучах утреннего солнца. Пышной волной струились пушистая грива и хвост. Стройная лебединая шея гордо выгибала прекрасную голову с парю горячих, как уголья, глаз и розовыми трепетными ноздрями.

– Смотрите, господа, цыгане! Целый табор! Как это их не видно из усадьбы от нас! – серебристым голоском крикнул передний маленький всадник и круто осадил красавца коня. Осадили своих лошадей и другие.

Цыгане поспешили навстречу вновь прибывшим.

Старая цыганка Земфира, помахивая своими седыми лохмами, подошла к старшему из всадников, черненькому студенту.

– Барин-красавец, хороший, пригожий, – затынула она гортанным неприятным голосом, протягивая смуглую морщинистую руку, – дай ручку, посеребри ладошку, алмазный барин, брильянтовый, яхонтовый!.. Земфира судьбу твою тебе расскажет... Всю правду скажу, ничего не утаю, барин хороший, пригожий, посеребри ручку, богатый будешь, счастливый будешь, сто лет проживешь! Посеребри ручку моему Ваньке на рубашечку, Сашке на юбку!

На эту странную гортанную болтовню черненький студент только рассмеялся звонким молодым смехом.

– Не надо сто лет, бабушка, ой, не надо... Что же это: все свои перемерут, а я один останусь столетний! Скучно! – отмахиваясь от гадалки, шутил он.

– А ты посеребри ручку, глазки твои веселые, – не унималась Земфира.

Студент с тем же смехом полез в карман и, достав какую-то мелочь, подал старухе.

– А гадать не надо, я и сам умею гадать, – смеялся он.

В это время Иванка и другие цыгане окружили маленьких всадников и жадными глазами разглядывали красавца коня.

Белокурый мальчик, сидевший на нем, весь зарделся от удовольствия при виде такого внимания к свое-

му скакуну.

– Хороший конь! Редкий! Откуда он у тебя?.. Поди, тысячу рублевиков за него дадено, – сверкая глазами, выпрашивал гимназиста цыганский начальник.

– Не знаю, сколько! Мне его бабушка подарила, когда я перешел из первого класса во второй, – с некоторой гордостью отвечал гимназистик.

– А эти кони тоже, поди, бабушкины? – снова спросил цыган.

Мальчик не успел ответить. Черненький студент подъехал к нему и, перегнувшись в стремянах, сказал по-французски:

– Ну, не советую распространяться больше. Среди цыган – много воров... Бог ведает, что у них на уме сейчас... Поэтому всего благоразумнее будет повернуть домой и скакать обратно... Ну, друзья мои, стройся... И вперед, рысью марш!..

И черненький студент первый пришпорил свою лошадь. Четыре мальчика последовали его примеру и, кивнув цыганам, во весь опор понеслись по мягкой проселочной дороге.

Глава VI

– Вот так конь! – Не конь, а картина! – Жизни не пожалею за такого коня!

– Диво-лошадь, что и говорить! Тысячу стоит, ничуть не менее...

Так говорили между собою цыгане.

Всадники давно уже скрылись из виду, а цыгане, всем табором собравшись в круг, все еще жадно смотрели вслед ускакавшим.

Наконец дядя Иванка вернулся первый на свое место под липой и, почесав кудлатую голову, проговорил:

– Такого коня в жизни я не видывал еще доселе. Теперь день и ночь о нем думать буду... И тому, кто мне этого коня раздобудет, я все отдам, ничего не пожалею... Помощником, рукою своею правую сделаю, как брата родного лелеять стану и беречь, а состарюсь – весь табор ему отдам под начальство, хозяином и старшим его надо всеми поставлю... Только бы вызвался кто из молодцов раздобыть мне красавца коня!

Едва успел окончить свою речь хозяин, как все находившиеся в таборе мужчины, юноши и подростки шумною толпою окружили его и загалдели своими гортанными голосами:

– Пошли меня, дядя Иванка!

– Нет, меня пошли! Я тебе это дело оборудую ловко!

– Лучше меня, хозяин; у меня счастье особенное!

– А мне бабка-колдунья наворожила удачу – всякий раз счастливо коней уводить.

– Ладно, врешь ты все! Я тебя счастливее! Все это знают... Я докажу, пускай только хозяин меня пошлет...

Вдруг звонкий детский голосок покрыл мужские:

– Дядя Иванка, пошли меня!

И, сверкая глазами, Орля вынырнул из толпы.

Дружный насмешливый хохот встретил его появление:

– Тебя?.. Да ты бредишь, что ли, мальчишка! – Не суйся не в свое дело, не то попадет!

– Ишь ты! Наравне со старшими нос сует тоже!

– Прочитать бы его за это, братцы!..

– Кнутом бы огреть, чтобы небу жарко стало!

– И то бы кнутом!

Последние слова точно огнем опалили Орлю; он затрепетал всем телом, вытянулся как стрела. Лицо его побледнело, губы вздрогнули и белые зубы хищно блеснули меж них. В черных глазенках загорелся гордый огонь.

– Дядя Иванка! – проговорил он, окидывая окружающих его цыган презрительным взглядом. – Ты – хозя-

ин и начальник надо всеми, следовательно, голова.

И ты меня хорошо знаешь. Кто тебе больше меня добычи приносит? Никто!.. Двенадцать годов мне, а другой старый цыган послужил ли табору так, как я?.. Вспомни: я тебе трех коней у помещика увел, коро-ву у крестьянина, из стада четырех баранов, а сколько перетаскал поросят, овец да кур, и счет потерял... Сам ты меня в пример другим ставишь, Орленком – Орлей прозвал за лихость, так почто же позволяешь издеваться надо мной? Вот они все за награду тебе коня привести обещают, а мне ничего не надо от те-бя. Одного прошу: приведу коня – не выгоняй Гальки, дай ей жить у нас, не заставляй ходить на работу. А больше ничего не спрошу... Так пошли же меня, дядя Иванка, Богом тебя заклинаю, пошли!

Горячо и убедительно звучала речь мальчика. И ко-гда он кончил, долгое молчание воцарилось кругом.

Дядя Иванка сидел, опустив голову на грудь, и что-то раздумывал. Прошло минут пять. Наконец он под-нял ее снова и обвел глазами толпившихся вокруг него и Орли мужчин и женщин.

– Слушайте все, – возвысил он голос, – мальчишка правду сказал. Ловчее и проворнее его не найти сре-ди нас. Да и ростом он много меньше всех нас будет. Куда мы, большие, не пролезем, он без труда пройдет. Его и посылаю... Слышь, Орля? Посылаю тебя! Отли-

чись, Орленок! А приведешь коня – тебя и твою сестренку к себе возьму в хозяйскую телегу и вместо родных детей буду держать... Вырастешь, опять-таки хозяином вместо себя назначу. И Гальке не житье будет, а масленица тогда. Так и знай... Если же бахвалишься зря и коня не раздобудешь, не погневись, мальчик: тебя кнутом исполосую, а Гальку брошу среди леса – ты это знай... А теперь к делу... Не надо нынче идти на работу! Собирайтесь, женщины! Сейчас двинемся в путь, отойдем подальше через лес, на прежнюю стоянку.

– Слышишь, Орля, мчись во весь опор. Как уведешь коня прямо к последней нашей лесной стоянке лети, там тебя и будем дожидать, – закончил свою речь, обращаясь к мальчику, дядя Иванка.

Глава VII

Ночь. Светлые сумерки окутали землю. Легкий июньский полумрак прозрачен. Отчетливо видно в нем кто идет по большой дороге к усадьбе. Но если прокрасться вдоль берега большого пруда с обрывистыми берегами, можно остаться невидимым в тени раки.

Небольшая вертлявая фигурка крадется по самому береговому скату, держась за прибрежные ракиновые кусты.

Над головою раскинулись шатром плакучие ивы, и под ветвями их можно укрыться от зорких глаз.

Орля вышел из лесу сразу после заката солнца. Он прокрался между двумя стенами молодой, чуть поднявшейся ржи и достиг пруда. Здесь, под кустом ракины, дождался он предночных сумерек и пошел дальше.

Теперь уже и до усадьбы рукой подать. Вот белеют стены господского дома за деревьями сада... Лишь бы пробраться в сад, где гораздо темнее от частых деревьев и кустов. А там он осмотрится и проберется дальше под тенью дерев до самого двора, к конюшням.

Жутко одно: не умолкая, трещит у господского дома

сторожевая трещотка, и то и дело лают собаки, будя ночную тишину.

Про собак Орля вспомнил, проводя последние минуты в таборе. Он захватил для них с собою сухих корок черного хлеба.

Медленно прокрался цыганенок берегом пруда и подобрался к изгороди усадьбы. Она была невысока: аршина два, не выше.

Выждав время, когда трещотка ночного сторожа затихла в отдалении, Орля быстрыми движениями рук и ног вскарабкался на забор и оттуда соскочил в сад, прямо в колючие кусты шиповника. Больно исцарапав себе лицо и руки, но не обратив на это никакого внимания, мальчик бросился вперед, держась все время в тени деревьев.

В господском доме все спали. В окнах усадьбы было темно. Только по-прежнему на дворе, за садом, лаяли неугомонные цепные собаки.

Орля двинулся вперед, сделал несколько шагов к внезапно замер на месте.

По садовой аллее шли две мужские фигуры, надвигаясь прямо на него.

Одним прыжком мальчик прыгнул за дерево и, спрятавшись за его широким стволом, ждал, когда идущие пройдут мимо.

Вот они ближе, еще ближе...

Теперь Орле слышно каждое слово их разговора.

– Надо зайти в конюшню, барчукову коньку корму к ночи задать, – проговорил высокий мужчина своему спутнику.

– И я с тобою, дядя Андрон. Лишний разок погляжу на барченково сокровище, – отозвался молодой юношеский голос.

– Есть на что и взглянуть. Говорят, старая барыня этого коня за тысячу рублей у одного коннозаводчика купила. Уж больно жалеет да балует Валентина Павловна своего внука...

«Это они, наверное, говорят про ту лошадь... И к ней они идут... Надо за ними следом... Сейчас же, сию минуту», – забыв страх и опасность, весь дрожа от нетерпения, волновался в своем убежище Орля.

Лишь только оба спутника миновали дерево, за которым притаилась тонкая фигура Орли, мальчик выступил из-за него и, держась все еще в тени, стал с удвоенной осторожностью красться за ними...

Если бы одному из шедших впереди мужчин пришла охота оглянуться, мальчик, вне всякого сомнения, был бы замечен, так как светлая ночь начала июня была немного темнее дня.

Боясьдохнуть, прижимая руку к сильно бьющемуся сердцу, Орля следовал за темными фигурами, то останавливаясь, то скользя как призрак, легко, бес-

шумно.

Так дошли они до изгороди.

Вот один из мужчин открыл калитку и вошел со своим спутником во двор.

Цепные собаки встретили обоих радостным лаем, приветствуя как своих, но сейчас же глухо зарычали, почуяв присутствие Орли, успевшего тоже прошмыгнуть в калитку забора, отделявшего сад от двора, и скрыться за углом какой-то пристройки.

В эту минуту старший из спутников сказал:

– Я открою конюшню, а ты сходи ко мне, в кучерскую, Ванюша; принеси сахару, там, на столе, лежит...
Страх как разбойник этот, барчуков Ахилл, до сахару охотник.

– Ладно, принесу, дядя Андрон, – и младший из мужчин зашагал по двору к дальним строениям.

Кучер вынул из кармана ключ и открыл им двери здания, за углом которого спрятался Орля.

Сердце мальчика забилося сильнее. Легкий крик восторга чуть не вырвался из его груди.

Здание оказалось конюшней, и из глубины ее слышалось веселое ржание коня.

Это был тот самый конь-красавец, за которым Орля пришел сюда, на чужой двор, и ради которого он поставил на карту всю свою дальнейшую жизнь и счастье свое и Гальки.

Сквозь щель конюшни мальчику хорошо видна была гнедая статная фигура лошади, стройная шея, заплетенные на ночь грива и хвост.

«Теперь или никогда!.. Он сейчас придет, тот, другой, в конюшню, зададут корм и уйдут, закрыв за собой дверь, – вихрем пронеслись мысли в голове Орли. – Стало быть, надо взять коня сейчас же, сию минуту!» – решил он, дрожа всем телом от обуявшего его волнения.

Весь план похищения был придуман Орлей в одну секунду. Надо было только выполнить его половчей.

И, подавив в себе через силу нараставшее с каждым мгновением волнение, Орля неслышно выбежал на середину двора.

Не обращая внимания на глухо зарычавших привязанных на цепь собак, кинувшихся к нему навстречу, он, приложив руку ко рту трубою, закричал громким, отчаянным голосом на весь двор и сад:

– Пожар! Горим! Горим! Спасайтесь!

И снова порхнул за дверь сарая. Оглушительным лаем и визгом покрыли собаки этот крик мальчика. Они рвались, беснуясь, со своих цепей, но Орле уже было не до них.

Из конюшни, встревоженный криком, выскочил кучер.

– Где пожар? Что горит? – растерянно кричал он и,

сообразив, что надо делать, бегом бросился к дому.

Этого момента только и ждал Орля.

Стрелюю кинулся он в конюшню, дрожащей рукой схватил за повод красавца коня, вывел его па двор, одним ловким прыжком очутился на его спине и, изо всей силы крикнув ему в уши: «Гип, гип, живо!» – хлестнул что было мочи лошадь по золотистым бокам выхваченной из-за пояса плеткой.

Молодое горячее животное сразу взяло с места карьером и понеслось стрелой по двору под оглушительный лай собак и отчаянные крики кучера, понявшего теперь, в чем дело.

Сделав высокий прыжок, лошадь перепрыгнула через изгородь, отделявшую двор усадьбы от дороги, и помчалась прямо по лесной дороге, унося Орлю, вцепившегося руками в ее гриву.

Глава VIII

Держи его! Лови! Держите разбойника! Барчукову лошадь украли! Карраул!.. – неслись за Орлей отчаянные крики.

Страшная суматоха, шум, крика, брань, угрозы – все это понеслось за ним вдогонку.

Скоро к этим звукам присоединились и другие: топот нескольких пар лошадиных копыт возвестил юного цыганенка о мчавшейся за ним погоне.

Он улучил минуту и оглянулся. За ним скакало трое мужчин. Их темные фигуры резко выделялись на сером фоне июньской ночи.

Орля снова выхватил кнут и изо всей силы ударил им коня.

Красавец копь теперь уже не бежал, а мчался... Словно летел по воздуху... Но, как ни странно это казалось Орле, лошади его преследователей не отставали от лихого скакуна. По крайней мере, расстояние между мальчиком и погоней все уменьшалось и уменьшалось с каждой минутой.

Вот уже передний из преследовавших Орлю всадников приблизился настолько, что мальчугану хорошо слышны и прерывистое дыхание его лошади, и резкие звуки ее копыт, и мужской голос, кричащий ему в

спину:

– Эй, остановись! Тебе говорят, стой, парнишка! Ой, остановись, лучше будет! Все равно не уйти!

Но Орля, в ответ на эти крики, только теснее сжимал крутые бока лошади да судорожнее впивался цепкими пальцами в ее гриву.

Теперь он почти достиг леса. До опушки его оставалось каких-нибудь десять-двенадцать саженьей.

Еще немного, и он вне опасности.

Но что это? Хриплое дыхание лошади и топот копыт слышны уже совсем близко, за его спиной... Слышны и угрозы передового всадника... Он почти нагоняет его... Почти нагнал...

С замиранием сердца пригибается Орля к шее коня. Гикает ему в ухо. Изо всей силы ударяет нагайкой, и... он в лесу...

Передний всадник кричит в бешенстве:

– Стой! Остановись! Все едино поймаю!

Но Орля торжествующе взвизгивает ему в ответ:

– Поймал! Как же! Держи карман шире! Он уже в лесу. Погоня отстала.

Вдруг сквозь деревья ближайшей чащи он видит всадника на малорослой вороной лошадке.

«Батюшки, да это Яшка! Длинный Яшка! Зачем он здесь?!» – проносится мысль быстрая в голове мальчика.

И, совершенно упустив из памяти то, что Яшка его первый враг, Орля кричит весело, желая поделиться с ним своей удачей:

– Яшка! Видишь! Удалось-таки! Увел-таки ко... Он не закончил, смолкнув на полуслове.

Длинный Яшка поднимает руку, взмахивает ею, и в тот же миг большой острый камень ударяет Орлю в голову, чуть повыше виска.

Отчаянный, полный ужаса и боли, крик прорезывает тишину леса, и, выпустив повод, Орля, как подкошенный, обливаясь кровью, без чувств падает на траву.

Почти одновременно с этим Длинный Яшка хватается украденного коня за повод и, стегнув свою лошадь, мчится в чащу, уводя за собою на поводу Орлину добычу.

В это время погоня въезжает в лес.

– Гляньте-ка, братцы, никак кто-то лежит!

Кучер Андрон первый замечает бесчувственного, окровавленного мальчика посреди лесной дороги; он слезает с лошади и наклоняется над ним.

Подъезжают и другие: конюх Иван и сторож Антипка.

– Да это тот самый, который лошадь украл! – неожиданно вскрикивает последний. – Куда ж это он отвел коня?

– Ври больше! Этот маленький, а тот, поди, конокрад большой был!

– Ну да, большой! Чуть от земли видно. Тоже скажешь. Ночь не темная – видно было, как скакал.

– Братцы, да он мертвый, весь в крови! Неужто ж Ахилл его сбросил?

– Должно быть, что так...

– По делам вору и мука. А лошадь-то, лошадь где поймать?

– Где поймаешь ночью? Завтра утром сама придет, дорогу знает к стойлу. А вот с мальчишкой-то что делать?

– Известно – в полицию... Мертвый ведь он...

– До урядника пять верст... А пока что домой бы...

– Братцы, глядит-ка, дышит... Не помер он... Простонал никак! В больницу бы его!

– Сказал тоже – в больницу! За десять верст больница-то... а видишь, кровь так и хлещет из раны... Того гляди, по дороге умрет.

– Дяденька Андрон, а что, ежели в усадьбу его? Барышня раз навсегда приказали к ней доставлять всех увечных птиц и больных собак, – поднял нерешительно голос молоденький конюх Иван.

– Да ведь то животное, а это человек, и притом злостный человек: вор, конокрад, – запротестовали в два голоса Андрон и Антипка.

– Так тем пуще надо. Не погибать же душе христианской.

– Воровская у него душа, цыганская... Ну, да и впрямь, снести бы... Может, в усадьбе-то отойдет да скажет, куда лошадь девал. Несем-ка его в усадьбу, братцы!

И Андрон нагнулся над бесчувственным Орлей и с помощью конюха Вани поднял его и понес. Антип взял их лошадей за поводья, и печальное шествие двинулось по направлению к усадьбе.

Глава IX

Проснулся господский дом. В окнах его замелькали огни.

На террасе собрались все обитатели усадьбы: Валентина Павловна Раева с внуком Кирой и калеккой-внучкой, хромой четырнадцатилетней девочкой Лялей, ходившей на костылях, их гувернантка, Аврора Васильевна, – пожилая сухая особа; француз, добродушный старичок мосье Диро, или «Ами», как его называли дети; репетитор белокурого черноглазого мальчика Киры, поразительно маленького для своих десяти лет, дальний родственник Раевых, студент Михаил Михайлович Мирский, «Мик-Мик» по прозвищу, данному ему самим Кирой, и другие.

Тут же были и три товарища по гимназии маленького Раева – дети бедных родителей, которых гостеприимная и добрая Валентина Павловна пригласила провести в Раевке лето: маленький, необычайно нежный, похожий на тихую девочку, Аля Голубин, сын отставной школьной учительницы; краснощекий, румяный, плотный крепыш, Ваня Курнышов, сын бедного сапожника, и синеглазый веселый, горячий, как огонь, одиннадцатилетний хохол-сирота – Ивась Янко.

Между мальчиками то и дело юлила небольшая фи-

гурка двенадцатилетней девочки, с носиком-пуговицей, вихрастой головкой и бойким птичьим личиком, шаловливой, везде и всюду поспевающей. Это была Симочка – приемыш Валентины Павловны, выросшая в ее доме вместе с сиротами-внуками.

Няня Степановна и щеголеватый лакей Франц, у которого ничего не было немецкого, кроме его имени, тоже пришли на террасу разделить беспокойство своих господ.

Кира, прелестный изящный мальчуган, с короткими кудрями и глазами, похожими на коринки, волновался больше других.

– Вы поймите! Вы поймите! – обращался он то к одному, то к другому. – Бабушка мне его подарила! А они его украли! Гадкие, противные, злые цыгане!.. Мы проезжали, катаясь утром, мимо табора... Останавливались... А они так смотрели на Ахилла! Так смотрели!.. О, бабушка, бабушка! Да неужели же мы не найдем Ахилла, моего голубчика? Неужели не вернем?

– Будьте же мужчиной, Кира, – шепнул, приблизившись к своему ученику, Мик-Мик, в то время как Валентина Павловна, стараясь всячески утешить внука, гладила его кудрявую головку.

– Жаль, что я не поехал вместе с погоней! Я бы поймал вора, – неожиданно проговорил синеглазый красавчик Янко, вспыхивая от нетерпения.

– Как раз! Кто кого? Ты вора или он тебя? – шепотом насмешливо осведомился у товарища Ваня Курнышов.

– Ну, знаешь, благодари Создателя, что уж больно торжественная минута, а то бы я тебя...

И Янко незаметно щелкнул Ваню по его широкому, бойко задранному кверху носу.

– Ах, ты!.. – всколыхнулся тот.

– Тише, тише! Я слышу, сюда идут. Лошадиные копыта тоже слышу, – и бледная, тоненькая, хромая девочка Ляля, подняв пальчик, остановилась у дверей террасы.

– Идут! Господи Иисусе! И несут кого-то, – невольно крестясь, вставила свое слово Степановна, тоже выглядывая за дверь.

– Поймали! Вора поймали! Ура! – неистово, на весь сад, крикнул веселый Ивась и осекся, замолк сразу.

Двое мужчин с мальчиком, бессильно свесившимся у них на руках, подошли к террасе и положили бесчувственное тельце па ее верхнюю ступеньку.

Кучер Андрон выступил вперед и, волнуясь, передал в коротких словах обо всем случившемся.

– Вот он, воришка этот, либо мертвый, либо живой, не знаем. А лошадь исчезла, как в воду канула. Утром мы с Ваней обшарим весь лес... С парнишкой что прикажете делать, Валентина Павловна, ваше превосхо-

дительство? Куда нам велите доставить его? – заключил вопросом свою речь Андрон.

Бабушка подняла к глазам лорнет, взглянула на распростертое перед пей маленькое тело цыганенка, с курчавой головой, с сочившейся струйкой крови из раны на виске, и проговорила взволнованным голосом:

– В больницу его надо... Запрячь коляску и отвезти его сейчас же в больницу... Скорее!

– Ах, нет! Не надо в больницу!.. Он умрет по дороге! Смотрите, какой он бледный жалкий и весь в крови!

И хромая девочка наклонилась над Орлей.

– Бабушка, милая, дорогая, не отсылайте его от нас!.. Я выхожу его... Может быть, он выживет... не умрет... Умоляю вас, бабушка, хорошая, дорогая.

И девочка со слезами на глазах прильнула к старушке Раевой.

– Но ведь он вор, Ляля! Пойми, таких в тюрьму сажают, – волнуясь, протестовала Валентина Павловна. – Он, наконец, у твоего брата лошадь украл! Сделал несчастным бедного Киру!

– Бабушка! Милая! Но ведь, может быть, и не он украл. И притом, кто знает, его могли научить украсть другие или заставить... принудить... Это ведь никому не известно... Я умоляю, бабушка, разрешите его оставить у нас... Он поправится и тогда скажет, куда

девалась лошадь и зачем он увел ее. Я сама буду ухаживать за ним. Милая бабушка, разрешите только!

Калека-девочка просила так трогательно и кротко, что не привыкшая отказывать в чем-либо своим внукам бабушка невольно задумалась. Легкое колебание отразилось на ее лице.

Валентина Павловна сама была очень добрая и чуткая по натуре. Пропажа дорогой лошади огорчила ее, тем более что лошадь эта была любимой забавой ее внука Киры-Счастливики, как его называли все в доме. Но, с другой стороны, нельзя же было дать умереть мальчику, которого еще можно попытаться спасти. Вор он или не вор – покажет будущее, а пока надо во что бы то ни стало помочь ему.

И, покачав своей седой головой, Валентина Павловна сказала отрывисто:

– Осторожно поднимите мальчика и отнесите его в угловую комнату. Да пускай кто-нибудь скачет за доктором в город... Попросите его сейчас же, ночью, приехать к больному.

Потом, помолчав немного, добавила тихо: – И воды принесите мне теплой, ваты и бинтов. Пока что надо промыть и забинтовать рану.

И первая принялась хлопотать около бесчувственного тела Орли.

Глава X

Орля не умер, хотя то состояние, в котором находился мальчик две долгие недели, было близко к смерти.

Как во сне, слышались ему, точно издалека, чьи-то заглушенные голоса. Боль в голове помрачала ему сознание, но в минуты прояснения, слегка приоткрыв глаза, мальчик видел участливо склонившиеся над ним добрые лица. Чаще других – седую голову и красивое старческое лицо, еще чаще хрупкую фигуру калеки-девочки с бледным личиком и тоскливыми кроткими глазами.

Иногда боли в голове становились нестерпимы. Орля кричал тогда и стонал на весь дом. Человек в круглых очках промывал рану на лбу, вливал в рот больного лекарство и выстукивал ему каким-то молоточком грудь.

Все это Орля чувствовал и видел в каком-то дурмане.

Мальчик долго находился между жизнью и смертью, но крепкий организм победил смерть, и Орля почувствовал облегчение, спустя же три недели впервые сознательно открыл глаза.

Орля лежал в светлой чистенькой комнате, залитой

лучами солнца.

У постели его, прислонив к коленям костыли, сидела бледная девочка с короткими темными глазами.

– Тебе легче, мальчик? Не болит голова? – наклонившись к нему, говорит она с участием в голосе.

Но Орле не понравилось, что его тревожат, что ему задают вопросы.

– А тебе что за дело? – грубо обрезал он ее.

– Ну, бранится – значит здоров! Это первый признак. Успокойтесь, Ляля! Исполать вам: отходили молодца! – слышался по другую сторону Орлиной кровати веселый насмешливый голос.

Орля с трудом повернул голову и увидел черненького студента, который с четырьмя мальчиками заезжал в табор верхом.

И мгновенно полное сознание возвратилось к больному. Вспомнился тот злополучный вечер... кража коня... бешеная скачка к опушке... внезапное появление Яшки...; и камень... И все снова заволокло туманом перед ним.

Когда туман рассеялся снова, Орля понял одно: табор далеко, лошади у него нет и сам он пойман и прикован, как узник, к этой постели.

Его глаза загорелись горячим огнем. Лицо свело судорогой.

«О, только бы вырваться отсюда!..» Он сумеет от-

платить злом за зло долговязому разбойнику Яшке, отомстить за все...

«А Галья! Где Галья? Может быть, она давно брошена в лесу и умерла с голода?» – внезапно пришло ему в голову, и он закричал зубами.

– Пустите меня в табор! В табор хочу! – бурчал он себе под нос и беспокойно заметался в кровати.

– Ну, уж это дудки, мальчуган! – тем же веселым и беспечным тоном отозвался студент. – Пока не поправишься, оставайся с нами, а потом иди себе с Богом.

– Нет! Сейчас пустите! – угрюмо бросил больной.

– Ну уж, братец ты мой, этого никак нельзя! Не полагается! Два шага тебе не сделать, сейчас редьку закопаешь носом. Верно тебе говорю. Отлежись, поправься, а потом и ступай, – добродушно говорил студент.

– Убегу, коли не пустишь! – злобно сверкнул на него еще ярче разгоревшимися глазами Орля.

– Ну, брат, для побега сила нужна.

– Не дразните его, Мик-Мик! Он сам видит, что сейчас ему не встать с постели, – мягко остановила девочка молодого человека. – Не правда ли, мальчик, у тебя мало еще силы? Ты еще слаб... А скажи мне, кстати, как зовут тебя, милый?

Но вместо ответа Орля только мотнул головою.

– Убирайся! Отстань! Чего пристала! – буркнул он, с ненавистью глядя в кроткое, склонившееся к нему,

лицо.

– Вот так штука! – засмеялся Мик-Мик. – Его от смерти спасли, отходили, а он бранится. Ну и малец! Мое почтение!

– Он еще болен, оставим его в покое! – произнесла сконфуженная Ляля и, поправив подушки больного, тихо посоветовала Орле уснуть.

* * *

Как-то раз, проснувшись утром, Орля был приятно поражен. Голова у него не болела вовсе, обычная за последнее время слабость исчезла совсем. Что-то бодрое вливалось ему волною в душу.

Вчера еще хромая Ляля, принося ему обед, нашла его свежее и бодрее обыкновенного и разрешила ему встать сегодня.

Но и помимо этого разрешения он бы встал и так, без спросу.

Ясное летнее солнышко заглядывало в комнату. Деревья шептали зелеными ветками там, за окном. Небо голубело вдаль, сливаясь с горизонтом за золотыми полями. В соседней сельской церкви благовестили к обедне.

В одну минуту Орля вскочил с постели и, пошатываясь от слабости, оглянулся вокруг.

– Ба! Что это такое лежит на стуле?

Два прыжка на ослабевших ногах, и мальчик уже держал в руках красную кумачовую рубашку, плисовые шаровары и высокие сапоги.

– Никак для меня это! – произнес он, ухмыльнувшись, и стал торопливо одеваться в новешенький, с игопочки, костюм.

Три-четыре минуты – и Орля был неузнаваем. Чуть покачиваясь на подгибающихся ногах, он подошел к зеркалу, стоявшему в углу комнаты, заглянул в него и ахнул: в одетом по-барски, худом, высоком мальчугане, с наголо остриженной, иссиня-черной головой, с огромными, вследствие худобы, глазами, трудно было узнать прежнего Орлю, лихого и вороватого таборного цыганенка.

Он с восхищением разглядывал свою изменившуюся фигуру, поворачиваясь то вправо, то влево, строя себе в стекле уморительные рожицы.

– Вот бы в табор улепетнуть в таком виде! И то бы улепетнуть!.. Шапки только нет, вот жалость. А уж одежда такая, какой не сыщешь у самого дяди Иванки, – решил он и даже прищелкнул от удовольствия языком.

Глаза его метнулись на дверь. Он сделал, осторожно крадучись, шаг, другой, третий. Еще шаг, и в руках его ручка запора. Раз...

Вот радость! Дверь не заперта!..

Весь трепещущий, похолодевший от волнения, Орля перешагнул порог и очутился в коридоре. Едва касаясь ногами пола, он заскользил по направлению следующей двери, белевшей на противоположном конце длинного перехода.

Мертвая тишина царила в доме, точно он был необитаем в «этот утренний час.

„В табор! В табор! – металась мысль в разгоряченной голове мальчика. – Лишь бы убежать отсюда незамеченным, а там найду дорогу, догоню своих, дяде Иванке все расскажу про Яшку, пускай его судит... А Гальку вернет... велит отыскать и вернуть, ежели прогнал ее, бедняжку... Только бы не оплошать сейчас, только бы не заметил кто...“

С сильно бьющимся сердцем мальчик приоткрыл дверь и заглянул в щель.

Большая нарядная пустая комната. Ни души. Значит, можно войти в нее.

И Орля перешагнул порог гостиной. Отсюда он прокрался наудачу в светлую, залитую солнцем столовую. Потом на террасу. Еще несколько быстрых шагов, и он в саду.

Здесь мальчик приостановился, удивленно озираясь во все стороны.

Что это? Тот самый сад, через который он проби-

рался к конюшням за конем в ту злополучную ночь! Он у тех же господ, у которых свел со двора коня-красавца! Ну, стало быть, плохо дело... Вылечили они его с тем, чтобы судить, в тюрьму бросить за воровство. А может статья, и похуже что ожидает его – Орлю... Нет! Скорее, скорее, пока не хватились, утекать отсюда...

Собрав все свои силы, мальчик вздохнул всюю грудью и с места стрелою пустился бежать.

Вот и знакомый плетень, за ним дорога. Слабыми руками Орля опирается о него, ослабевшими за время болезни ногами лезет через перекладины. Голова кружится с непривычки, в глазах туман, сердце бьется сильно и неровно в груди.

Прыжок, и он на дороге.

Теперь скорее, скорее к лесу. „Ну, Орля, держись!“ – подбадривая себя, говорит мальчик и пускается бегом по пыльной мягкой дороге.

Глава XI

Ты это куда, паренек, собрался? Тяжелая рука опустилась на плечо Орли, и, словно из-под земли, перед ним вырастает фигура щеголеватого лакея Франца.

Франц и гувернер, monsieur Диро, идут с мокрыми полотенцами от пруда, где только что выкупались оба.

Они еще издали заметили бегущую фигурку и пошли наперерез беглецу.

У monsieur Диро на лице испуг и изумление. Рука Франца изо всей силы сжимает Орлино плечо.

– Господа в церковь изволили пойти, а ты лататы тем временем задал! – громко произносит Франц. – Куда похвально! Нечего сказать! Так-то благодетелям своим отплачиваешь! Марш домой! А чтоб больше не думал убежать, я тебя на ключ закрою пока что.

И Франц, схватив за руку Орлю, потащил его к дому.

Monsieur Диро, мягкий и добродушный, по своему обыкновению, шел за ними, приговаривая на ломаном русском языке:

– О-о! Каков мальчуган!.. Удраля среди беленьков денька... Сапирайти его, Франц, потуже до генералынин приход от церквей.

Но Францу все советы были излишни. Он и сам знал, что ему надо делать.

Притащив упиравшегося Орлю в дом, он втолкнул его в первую попавшуюся комнату и, плотно притворив дверь, закрыл ее на ключ.

– Сиди и жди своей участи, разбойник. Ишь, что выдумал – из дому убежать! Постой, будет еще тебе на орехи!

Орля слышал, как щелкнул замок. Слышал удалявшиеся шаги и воркотню Франца. Маленькое сердце цыганенка зашлось волною нового бешенства.

„Это что ж такое? Заперли, как птицу в клетке... Грозят... не пускают на свободу... Да я за это весь дои разнесу!“ – думает про себя Орля.

Страшный прилив злобы охватил душу мальчика. Как дикий зверек, заметался он по комнате, воя по-звериному, топая ногами, изо всей силы ударяя кулаками в неподдающуюся его ослабевшим за болезнь силенкам дверь...

Потом, злобный, негодующий, с пеной у рта, со сверкающими бешенством глазами, он остановился посреди комнаты, выискивая взором, что бы ему сокрушить, сломать.

Комната, в которой он очутился, была длинная, полутемная, с несколькими шкафами, стоящими по стенам.

Вне себя Орля подскочил к ближайшему из них и широко распахнул его дверцу.

Торжествующий крик вырвался из его груди: в шкафу висели платья, и нарядные, и повседневные, из суконных, шерстяных, шелковых, тюлевых и кружевных тканей.

С минуту мальчик стоял, как бы оцепенев на месте... Какое богатство!.. И вдруг, испустив новый дикий, пронзительный крик, полный торжества и злобы, он бросился вперед и проворными руками стал срывать с вешалок все висевшие на них костюмы... Новый крик... И затрещали дверцы другого шкафа...

Теперь все содержимое в обоих было выкинуто проворными руками Орли на середину комнаты. Еще шкаф, и еще...

Не прошло и десяти минут, как они все были опорожнены до нитки, а посреди комнаты высилась теперь целая груда пестрого, светлого и темного платья.

– Ага! Так-то вы со мною! Ну, так постойте же! – прохрипел Орля, ринулся на верх» груды костюмов и стал рвать их руками и зубами с ожесточением, как взбесившийся волчонок.

Треск шелка и сукна, режущий звук разрываемых па клочья лепт и кружев, глухой свист разлезавшегося по швам барежа в продолжение доброго получаса наполняли тишину комнаты.

Где не могли совладать с прочной материей руки Орли, помогали зубы, причем мальчик катался по по-

лу, выл и скрежетал зубами в неистовстве, как настоящий дикарь.

Наконец он устал от своей разрушительной работы. Вокруг него теперь валялись всюду, густо устилая пол, куски материй, клочья и лохмотья растерзанных платьев, накидок, жакетов – словом, всего того, что, аккуратно развешанное, хранилось до этой минуты в гардеробных шкафах.

При виде произведенного им полного разрушения Орля вздохнул облегченно, повернулся к двери, угрозил по направлению ее кулаком и, злобно усмехнувшись, проговорил, сверкая глазами:

– Ладно! Хватит с вас! Будете помнить, как запирайте Орлю да томить в неволе! А если потом держать станете, хуже еще устрою...

Тут он пошатнулся, изнуренный непривычными усилиями, опустился на пол и сразу уснул крепким долгим сном выздоравливающего, но не в меру утомленного ребенка.

Глава XII

Вот так разгром! Что же это такое? Никак нашествие иноплеменников! Царица Небесная! Святители, Никола Чудотворец! Батый, что ли, со своею ратью здесь побывал!

Мик-Мик стоял в дверях гардеробной и сокрушенно покачивал головою. Но темные глаза его смеялись помимо соли, а губы тщетно силились скрыть улыбку.

Из-за тонкой высокой фигуры студента выглядывали пять взволнованных рожниц.

Счастливики Кира, Симочка, Ваня, Ивась и Аля с любопытством, присущим их возрасту, разглядывали царивший в гардеробной хаос и спавшего на груди лохмотьев и тряпья, как ни в чем не бывало, Орлю. Кира опомнился первый:

– Надо бабушке сказать! Он все платья попортил! О, какой злой мальчишка!

– Вот так фунт изюма! Запорожец-войка, да и только! – не без некоторой доли восторга вырвалось из груди Ивася.

– Варвар он! Сколько добра перепортил! Денег-то, денег зря сколько пропало! – сокрушался Ваня, и его толстые румяные щеки отдувались от негодования.

– Ах, что с ним будет теперь? Неужели его посадят в

тюрьму? – и нежный тихонький Аля всплеснул своими детскими ручонками.

– Ну, в тюрьму не в тюрьму, а этого оставить так невозможно. Надо прежде всего пойти предупредить бабушку, – решил Мик-Мик. – А вы, друзья мои, останьтесь здесь и Боже вас упаси сего неистового Роланда пальцем тронуть! Берегитесь – сокрушу!

У Мик-Мика была одна драгоценная особенность: он не терял ни на минуту своего веселого расположения духа. И сейчас, несмотря на всю необычайность случая, черненький студент не растерялся.

– Симочка! Отменная девица! Пожалуйста со мною! – скомандовал он.

– Ах, Мик-Мик, позвольте мне остаться!

– Ну, хорошо, только, чур, цыганенка не будить! И Михаил Михайлович вышел из комнаты.

Лишь только шаги его замолкли в коридоре, Симочка на цыпочках подкралась к собранным в кучу безобразным клочкам гардероба.

– Ах, мое розовое тюлевое платье! – вскричала она с отчаянием в голосе, увидя что-то нежное и воздушное в общей груде тряпья.

– Действительно, ваше платье. Увы, оно приказало долго жить! – с комическим вздохом проронил Ивась.

– Вам хорошо смеяться. А мне какво! Мое розовое платье! Мое бедное розовое платье!

– Не плачьте, эка важность! – становясь в позу и поднимая руку кверху, произнес Ивась. – В прежние времена люди совсем ходили без платьев, и не ревели же они!

– Не плачь, Симочка, – обнимая сестру, проговорил Счастличик, – мне тяжелее. Ахилл пропал и, должно быть, не найдется никогда!

– Бедный Ахилл! И ему нелегко, конечно! – произнес тихонький Аля, обводя всех своими голубыми глазами.

– Господа, а что, если разбудить этого душку с разбойничьими ухватками и сразу предложить ему вопрос, куда он девал лошадь, – предложил Ваня. – Пожалуй, он скажет со сна!

– Сосна – дерево, и оно не говорит, – острил Ивась.

– Остричь не время теперь, – произнес, пожимая плечами, Ваня.

– Нельзя трогать цыганенка! Мик-Мик не позволил его трогать! Вы слышали? – вмешался Счастличик.

– Его никто не тронет! Мы только его спросим.

И, не дождавшись ответа своих товарищей, Ваня быстро приблизился к спящему на груди тряпья мальчику и, наклонившись к нему, произнес громко:

– Эй, полупочтенный, как тебя, проснись!

В одну минуту Орля был на ногах. Испуганно вытаращенными глазами он смотрел на детей, ничего не

понимая.

Но вот румяный толстый мальчик положил ему руку на плечо и неожиданно спросил:

– Где лошадь?

И вмиг Орля понял все. На его испуганное лицо набежала мрачная тень. Глаза засверкали. Он смерил ими Ваню с головы до ног и сжал кулаки.

Толстенский Курнышов не смутился.

– Ты погоди! Не дерись! Драться после будешь. Ты лучше скажи, куда лошадь девал?

Молчание ему было ответом.

– Пожалуйста, мальчик, скажи... Это моя лошадь... Я ее хозяин, – вмешался Кира, выступая вперед.

Чистенький, беленький, нарядный мальчик произвел неожиданное впечатление на Орлю. Внезапная злоба загорелась в нем снова и обрушилась на этого хорошенького мальчика, осмелившегося заявить ему об его праве на красавца коня.

Орля вытянулся во весь рост, изогнулся, как кошка, и, взмахнув руками, бросился на Счастливого.

Оба мальчика полетели на пол и забарахтались в куче тряпья.

Ваня и Ивась бросились на выручку товарища. Симочка испуганно закричала на весь дом:

– Он убьет Киру! Он убьет Счастливого! Злой, гадкий цыганенок!

Ей вторил Аля своим тоненьким, совсем еще детским, голоском.

* * *

– Не угодно ли! Вот вам и оставляй одних сих благородных юношей и даму! – произнес насмешливо Мик-Мик, появляясь на пороге в сопровождении Валентины Павловны, monsieur Диро, Ляли и ее гувернантки.

Затем он стремительно кинулся к общей живой куче, извлек из-под низу ее сконфуженного Киру и поставил его перед бабушкой.

– Счастливчик! Милый, дорогой Счастливчик! Не ушиб он тебя, этот разбойник? – волновалась бабушка, зорко оглядывая беспокойным взглядом своего любимца.

– Не разбойник он, а просто Щелчок-мальчишка, пистолет и сорвиголова! – засмеялся Мик-Мик и, взяв за руку Орлю, рвавшегося от него, подвел его к Валентине Павловне.

– Ну, не Щелчок это? Скажите откровенно?

– Хорош Щелчок! Это преступник какой-то! И я не решаюсь больше держать его у себя в доме! – с ужасом и негодованием произнесла бабушка.

– Щелчок! Щелчок! Вот так название! – засмеялись дети.

– Тише! Перестаньте, не до шуток теперь! – повысила голос Аврора Васильевна.

– Суд над преступником начинается, – шепнул Ивась на ухо Симочке, и та едва не фыркнула на всю комнату, забыв недавнее горе.

– Послушай, мальчик, – проговорила Валентина Павловна, строго глядя в лицо потупившегося Орли, – ты очень виноват перед нами. Ты увел лошадь моего внука, очень дорогую лошадь, и, благодаря тебе, она исчезла куда-то. Тебя, разбитого насмерть, принесли к нам, и, зная, что ты вор и преступник, мы, однако, не погнушались тобою, приютили тебя у нас, отходили, вылечили. А ты каким злом отплатил за добро сегодня! И этому доброму ангелу, Ляле, моей внучке, ты мстил, как и всем нам, тогда как она не отходила от твоей постели во время болезни и с редким терпением, сама больная и хрупкая, ухаживала за тобой! Много причинил ты нам зла и убытка. За покражу лошади и порчу костюмов тебя следовало бы отдать в руки полиции, посадить в тюрьму. Но Бог с тобою! Ступай, откуда пришел, к своим, в табор. Может быть, рано или поздно, совесть заговорит в тебе и ты исправишься, – заключила бабушка свою речь.

– Вот и приговор! – тихонько на ушко Симочке произнес шепотом неугомонный Янко.

Орля, все время стоявший опустив голову и поту-

пив в землю глаза, едва слышал, что ему говорили.

Но при последних словах Валентины Павловны он встрепенулся, вздрогнул и метнул загоревшимся взором в лицо старушки.

Полно! Так ли? Не обманывают ли они его? Неужто и впрямь можно уйти?., домой?., в табор?..

Мальчик весь побледнел и затрясся. Теперь он как-то весь съежился и чутко ловил каждое слово хозяйки усадьбы.

А Валентина Павловна между тем строгим голосом продолжала:

– Сегодня еще отдохни у пас, подкрепись, поешь хорошенько, выпись ночью, а завтра с Богом ступай. Ничего с тобой, видно, не поделать. Как волка ни корми, а он все в лес смотрит.

Затем, помолчав с минуту, она добавила:

– Одежду, которую тебе дали, ты оставишь себе, и денег на дорогу я тебе тоже дам... Бог с тобой! Ступай! – произнесла она с легким вздохом. – Видно, ничто на тебя не подействует. Ступай, маленький преступник, ступай с моих глаз.

– И опять-таки не преступник, а попросту Щелчок, отчаянный Щелчок, дикарь, сорвиголова, выросший на свободе, – засмеялся Мик-Мик, – и, сдается мне, что, если бы этим мальчуганом заняться хорошенько, из него дельный парень вышел бы в конце концов!

Посмотрите на его лицо: смелое, открытое. Обычной цыганской вороватости в нем и помину нет.

– Вороватости нет, а ворует сколько угодно, – шепнул Ивась толпившимся тут же детям.

– Пусть идет на кухню. Ему дадут поесть, и пусть шапку и пальто из старых вещей ему достанут, няне скажите, – роняла усталым от волнения голосом Валентина Павловна.

– Слышишь ты, Щелчок: тебя с головы до ног облагодетельствовали, – шутливо похлопав его по плечу, произнес Мик-Мик, – не скажешь ли ты, куда девал коня?

– Да! Да! Скажи, где моя лошадь? – неожиданно выскочив вперед, произнес Счастличик, нерешительно заглядывая в хмурое лицо цыганенка.

– Милый мальчик, скажи! – прозвучал подле него нежный-нежный голос, и чья-то маленькая ручка погладила его по голове.

«Что это? Кто сказал это?» Никак покойная мать либо Гальяка, часто гладившая его кудлатую голову своей маленькой ручкой? – подумал Орля и вскинул глаза на говорившую.

Перед ним было бледное личико и печальные, кроткие глаза Ляли. Они смотрели так ласково на Орлю. Ласково и грустно.

Что-то кольнуло в сердце маленького дикаря. Теп-

лая волна затопила на мгновение душу. Хотелось броситься к этой бледной высокой девочке и пожаловаться ей на Яшку, на дядю Иванку, так жестоко поступающего с Галькой, на всех и на вся.

Но это продолжалось лишь одну минуту. В следующую же Орля сделался прежним Орлей, чуждым раскаяния и добрых побуждений сердца.

Он грубо мотнул головою, так что худенькая ручка Ляли соскользнула с его головы, и угрюмо буркнул себе под нос:

– Отвяжитесь! Чего пристали! Почему я знаю, где конь! А коли и знаю, то не скажу, вот вам и весь сказ.

Глава XIII

Снова ночь. Теплая, душистая, какие бывают ночи в июне. Легкий, чуть заметный, ветерок колышет верхушки лип и берез в большом господском саду.

Все тихо кругом. Уснула усадьба. Даже ночной сторож вздремнул ненароком под забором. Молчит его трещотка. Молчат и цепные собаки, уставшие за день лаять и рваться с цепей.

Один Орля не спит. Он лежит с широко раскрытыми глазами в той самой комнате, где долгие две недели лежал, прикованный к постели. Лежит и смотрит в окно.

Его сердце ликует. Пройдет ночь, взойдет солнце, так думает Орля, и он уйдет отсюда догонять табор, своих.

Не нищим уйдет, а нарядным, в сапогах, алой рубахе, в шапке, в пальто. И денег ему дали, два целковых на дорогу. Ровно тебе барин. То-то подивятся на него в таборе! А он, первое дело, к дяде Иванке: про Яшкину каверзу донесет, всю правду откроет, кто коня увел, и про Гальку все разузнает. Ежели в таборе ее нет – сейчас же дядя Иванка разыскать ее прикажет, Орлю наградит, как обещал, к себе с Галькой его в дети возьмет, и будет у них не жизнь, а масленица.

А Яшку из табора выгонит... Поделом ему, вору...

Орля даже привстал с постели от радостного волнения.

Только бы уж скорее, скорее минула эта ночь!

Выплыло перед ним на мгновение бледное личико с кроткими, грустными глазами, вспомнилась ему хромая девочка, ухаживавшая за ним, как мать, во время болезни. Опять теплая волна прилила к сердцу и отхлынула снова...

Орля зажмурил глаза, натянул одеяло на голову и, свернувшись комочком на мягкой постели, приготовился спать, как неожиданно снова вскочил и, устремив глаза в окно, стал чутко прислушиваться.

До его ушей донесся легкий, чуть слышный, стон, доходивший из сада.

С минуту мальчик сидел, недоумевающе хлопая глазами.

«Что за диво! Кому бы стонать в эту пору в саду? – вихрем пронеслась в его голове тревожная мысль. – Пустое! Послышалось, стало быть, либо деревья от ветра скрипят», – успокоил он себя и снова с наслаждением прикорнул на подушку головой.

Новый стон, еще более продолжительный и громкий, прорезал ночную тишину.

Теперь уже не могло быть никаких сомнений. Кто-то стонал в саду, и совсем близко, чуть ли не под окнами,

дома.

В одну минуту Орля уже стоял посреди комнаты, неспешно натягивая на себя платье.

Он уже был у окна, когда таинственное неведомое существо снова простонало, но на этот раз очень слабо, чуть слышно.

– Помирает никак кто-то... Пособить бы надо, – проговорил сам себе мальчик и, быстро распахнув окно, высунулся из него.

Его зоркие глаза пронзительным взглядом окинули чащу сада.

В полутьме сгустившихся сумерек что-то белело под одним из кустов.

– Собака либо человек. Живая тварь. Все едино пособлю, чем могу, – решил мальчик и, упершись руками в подоконник, одним взмахом тела перенес через него ноги и очутился в саду.

Быстро перебирая босыми ногами, Орля пустился бегом к ясно теперь намечавшемуся таинственному предмету.

– О-о-о! – пронеслось в эту минуту новым стоном и замерло в чаще сада.

Что-то слабо зашевелилось под кустом.

В несколько секунд Орля был подле.

Перед ним ничком лежала девочка, босая, полуодетая, в длинной холщовой рубашонке. Уткнувшись

лицом в землю и разбросав худенькие ручонки, она испускала глухие, протяжные стоны.

– Никак помирает девчонка! – испуганно шепнул Орля и быстро опустился перед ребенком на колени. Его руки приподняли голову девочки. Он заглянул ей в лицо, и громкий отчаянный вопль вырвался из его груди, оглашая сад, дом, всю усадьбу.

– Галька! Галина! Это моя Галька!..

Крик Орли, вырвавшийся из самого сердца мальчика, привел в себя стонавшую девочку.

Она широко раскрыла тусклые глаза, напряженно вгляделась в лицо державшего ее на своей груди мальчика, и сознательная светлая улыбка озарила ее худенькое испитое личико.

– Орля! Орля! Братик мой милый!.. Нашла я тебя! Нашла!.. Господи! счастье какое!.. Со мною братик мой, Орля, дорогой, голубчик мой!..

Слезы потоком хлынули из глаз девочки, худенькие ручонка ее обвили шею брата; все ее исхудалое тельце трепетало, дрожало от волнения на его руках.

– Галя! Пташечка бедная! Как ты здесь очутилась? – лепетал мальчик, сам не замечая, как крупные слезы текут у него по лицу. – Скажи, Галька, лапушка, родненькая, как ты дошла до меня?

Девочка, едва живая от слабости, сделала невероятное усилие над собой и заговорила:

– Орленька, голубчик мой сизый... когда ты ушел, к ночи прискакал злой Яшка, коня привел и говорит: «Я привел, а Орля хваленый всех вас надул, видно!...» Тут дядя Иванка так рассердился... «Обманул меня Орля, – говорит, – из табора удрал». И стал он меня бить... Больно-пребольно... Каждый день стал бить, видно, тебе в отместку... А у меня и без него сердце по тебе, братику моему, все изныло... Где, думаю, Орля мой? И все чудилось, что неладное что-то с тобою... Невтерпеж мне стало жить, не знаячи о тебе, Орленок, и решила я тебя искать пойти... Убежала из табора... В лесу плутала долго... От голода вся ослабела... Есть мало доводилось... Прохожие подавали, да коренья глодала и ягоды... Ноги у меня разболелись... Отощала вся... а все же дошла... Дорогу сюда запомнила малость... Вот и добралась... Думала, разузнаю в усадьбе, где мой Орля... Может, скажут... Ан ты и сам тут, голубчик...

Девочка не договорила. Широко раскрылись потускневшие разом глазки. Дрогнуло, вытянулось и тяжело повисло на руках Орли ее тщедушное тельце.

– Померла! Галька померла! Моя Галька! – новым отчаянным криком пронеслось по саду.

Между тем вся усадьба проснулась.

Лаяли собаки, трещала трещотка, бегали люди с фонарями по двору.

С террасы спешили обитатели господского дома, Валентина Павловна и Ляля, испуганные до полусмерти, Мик-Мик, мальчики, Ами.

– Что такое? Что за крики? Мальчик, чего ты кричишь здесь? Что за ребенок? Она без чувств? Умерла?

Да объясните же мне наконец, что здесь такое происходит, – волнуясь, говорила Валентина Павловна.

Тут только очнулся Орля. Быстрым движением вскочил он на ноги, не выпуская Гальку из рук, и, бросившись к Валентине Павловне и Ляле, стоявшим рядом, залепетал, задыхаясь от наплыва чувств, волнуясь и спеша:

– Барыня... золотая... Барышня... дорогая... Не отсылайте меня в табор!.. У себя оставьте... У себя оставьте... И меня, и Гальку... Может, не померла она... Теплая еще... Чуть дышит... Возьмите ее... Вылечите, спасите!.. Барышня, миленькая, прими мою Гальку... Как меня отходила, и ее отходи... А я за это первым слугой вам буду... Помру за вас, ежели велите. И про лошадь скажу... В таборе она... Длинный Яшка привел... Я ее увел, а он сказал, будто он это сделал. Я от нужды увел... Хозяин велел... Грозил Гальку выкинуть... Ну, я и взялся... Прости, барышня добрая... Меня не прощай, бей, мучь, колоти, только Гальку спасите, да не гоните обоих нас от себя... Слу-

гой вам буду... Собакой верной... Барышня, золотая, спаси только Гальку... Спаси! Спаси!.. А я услужу лам, приведет Господь, и коня верну и... жизнь мою положу за вас, только оставьте у себя!..

Сбивчиво, нескладно выливалась горячая, взволнованная речь мальчика. По смуглым щекам катились крупные редкие слезы. Побелевшие от волнения губы выбрасывали рвавшиеся, казалось, из самого сердца слова.

Все стояли пораженные, притихшие.

Неслышно рыдала, прижавшись к стволу дерева, хроменькая Ляля, потрясенная до глубины души.

Но вот Мик-Мик подошел к бабушке и тихо шепнул ей:

– Ну, не говорил ли я вам, что у моего Щелчка далеко не разбойничье сердце? Теперь ясно видно, что помимо воли сделался вором мальчуган. Оставьте у себя ребят этих. Чудится мне, что под разбойничьей внешностью этого мальчугана кроется хороший и даровитый мальчик.

– Бабушка, милая! – неслышно подойдя с другой стороны к старушке, произнес Кира. – Бог с ним, с Ахиллом... Мне мальчика более жалко и девочку бедную... Оставим их у нас.

– Оставим, бабушка, – послышался у дерева всхлипывающий голос Ляли.

Валентина Павловна взглянула в лицо бесчувственной девочки.

– Какое странное личико! В нем нет ничего цыганского! – произнесла она.

– Галька не цыганка, барыня милая... Галька ваша, русская... Ее мать моя в лесу нашла, – живо вырвалось из груди Орли, и вдруг он неожиданно повалился помещице в ноги, не выпуская из рук девочку.

– Спасите Гальку! Возьмите нас! А я помру за тебя, барыня, и за детей твоих! – неожиданно вырвалось из груди его потрясающими душу звуками.

И он положил у ног Раевой бесчувственную сестренку.

Валентина Павловна несколько минут молча смотрела то на Орлю, то на лежавшую у ее ног девочку.

В это время Мик-Мик схватил со стола на террасе стакан воды, смочил платок и, опустившись на землю, стал прикладывать мокрый платок к лицу лежавшей без чувств Гальки. А Кира, не дожидаясь приказа, побежал в комнату и принес оттуда какие-то капли.

Галя очнулась, открыла слегка опять глаза, удивленно посмотрела кругом, точно не понимая, где она и что с ней, но вслед за тем опять опустилась на землю без чувств.

– Барыня, милая... дорогая... спасите Гальку! – опять раздался голос Орли.

– Хорошо, вы останетесь с нами, и ты, и эта девочка, – чуть слышно проронила Валентина Павловна, – и я обещаю сделать все возможное, чтобы вылечить и поставить на ноги девочку.

Едва она успела проговорить это, как восторженный крик огласил сад.

Орля обвил руками колени Валентины Павловны и замер на минуту, смеясь и плача...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Жаркий, душный июльский полдень. Солнце палит всю.

В большой светлой комнате выдвинут стол на середину. На конце стола сидит Аврора Васильевна и диктует детям.

Валентина Павловна просила ее, Мик-Мика и мосье Диро заниматься по часу в день с мальчиками, чтобы дети не забыли за летнее время каникул то, что проходили в классах зимой.

За компанию с мальчиками занимается и Симочка. Тут же, на конце стола, сидят Орля и Галя.

Орлю нельзя узнать. За месяц, проведенный в Равке, мальчик круто изменился.

Начиная с его имени – его зовут теперь Шурой, то есть настоящим его именем, данным ему при крещении, а не прежней кличкой, – все в нем переменялось к лучшему.

Постоянное пребывание среди людей, не имеющих ничего общего с грубыми и вороватыми обитателями табора, сделало свое дело.

Правда, маленький дикарь, Щелчок, как его тихонько между собой называют дети, не мог исчезнуть вполне в лице цыганенка, но он уже не был тем безудержным диким волчонком, каким попал в этот дом.

В душе мальчика пробудилась невольная благодарность к людям, тепло приютившим у себя в доме его а Гальку.

Вот она сидит, поздоровевшая, розовенькая, пополневшая за этот месяц, сидит между ним и Алей Голубиным, самым тихоньким из мальчуганов, и старательно выводит буквы на аспидной доске.

Пишет их и Орля, так как Валентина Павловна выразила желание, чтобы оба они с Галькой, как можно скорее, выучились читать и писать.

К Валентине Павловне и к Ляле, выходявшим Гальку точно так же, как они выходили и его, Орлю, у Орля какая-то необыкновенная преданность. Ради «барыни-бабушки» и «барышни Ляли», как он называет обеих, он готов в огонь и в воду.

Любит он и Счастливого, потому что изящного, маленького, как игрушка, хрупкого и доброго сердцем мальчика любят все: его нельзя не любить.

Любит веселого Мик-Мика, своего первого заступника.

Алю же Голубина Орля втайне презирает за голубиную кротость и еще за то, что Аля очень подружился с

Галькой за последнее время, и Орля боится, что Аля совсем отнимет у него сестру.

Но кого он положительно не выносит, так это Аврору Васильевну, няню Степановну, Франца и Ваню с Ивасем.

Первая очень требовательна, придирчива и строга; няня Степановна и Франц не могут никак примириться с тем, что цыганские нищие ребята сидят за одним столом с их господами, а они, в качестве прислуги, должны им подавать и служить.

– У-у! Чего пялишь цыганские буркалы, волчонок? – часто, встретив горящие глаза Орли, ворчит няня. – Того и гляди, наживешь с тобою бед.

А Франц, брезгливо подбирая губы, убирает тарелки после Орли и Гали и насмешливо шипит, неслышно для хозяев:

– Вы бы хоть вылизали языками соус получше... А то не больно чисто и все же вымыть придется после вас...

Дело объяснялось тем, что наголодавшиеся в таборе дети не оставляли ни кусочка от своих порций за столом. А куски с господского стола Франц особенно любил доедать.

В свою очередь, Ивась и Ваня дразнили Орлю тихонько от других. Впечатлительный, необузданный мальчик платил им, чем мог, и не добром, конечно.

– Покажи, Шура, что ты написал! Дай твою работу, – внезапно огорошил Орлю знакомый резкий голос Авроры Васильевны, и ее костлявая высокая фигура выросла за его плечами.

Он молча протянул свою аспидную доску. Там не было ни единой буквы.

– Одна святая чистота! – сострил синеглазый Ивась, заглянув через плечо Орли.

Орля стоял потупившись.

– Что ж это такое? За целый час ты не сделал ничего. Ведь тебе сказано было написать буквы все по порядку! – повысив голос, произнесла Аврора Васильевна.

Угрюмое молчание было ей ответом.

– Шуре жарко, оттого он не мог писать, – вступился за товарища Кира.

– Просто оса ему нос укусила... И он все думал, как бы ее поймать и казнить, – пошутил добродушный Ваня.

– Ха, ха, ха! Оса нос укусила! – залилась веселым смехом Симочка. – Покажи скорее, где укусила. Щелчок.

– Ах!

Симочка и сама была не рада, что с губ ее сорвалось это слово, от которого Орля приходил в бешенство.

Но было уже поздно.

С загоревшимися глазами цыганенок вскочил с места и взмахнул рукою.

Трррах! От аспидной доски, изо всей силы брошенной на пол, посыпались осколки.

– О, негодный мальчик! Как ты смел? Как ты смел? – сердито накинулась на него гувернантка.

– Он склеит, Аврора Васильевна! Он склеит! – пискнул Ивась.

– Нет, он напишет на каждом осколке по одной: букве и, таким образом, составит азбуку! – заметил Ваня.

Симочка, смущенная за минуту до этого, теперь уже смеялась снова.

Вдруг с конца стола отделилась худенькая белокурая девочка а, волнуясь, заговорила:

– Зачем вы обижаете Орлю?.. Не надо его обижать!

Братик, возьми мою работу. Я написала А, Б и В. Пусть они будут твои. – И она трогательным движением протянула ему свою доску.

– Господа! Не дразните Шуру! Я протестую! – кричал Счастличик, поднимая свой голосок, похожий на колокольчик.

– Тише, дети! Тише! У меня голова кругом идет. Я не могу заниматься при таком шуме, – унимала расходившуюся детвору Аврора Васильевна.

– Не надо их больше мучить при такой погоде! Гос-

пода, я иду в лес! Кто за мной?

Мик-Мик широко распахнул дверь комнаты, где занимались дети, и предстал на ее пороге, весь сияющий весельем, радостью и довольством.

– Я!

– Я!

– И я!

– Все мы! Вы отпускаете, Аврора Васильевна?

– Ах! В лес! – невольно сорвалось с губ Орли. Лес!

Нет, видно, никогда ему не отвыкнуть от воли.

Так и тянет на простор лесов и полей из душных комнат усадьбы.

– Нет, ты не пойдешь! – суровым приговором звучит над головою ненавистный ему голос. – Валентина Павловна велела подготовить тебя за лето к первому классу городской школы, а дело у нас не подвигается вперед. Ты почти ничему еще не научился. И потом, ты провинился: замахнулся на Симочку, разбил доску. И ты остаешься дома! – заключила гувернантка.

Лицо Орли внезапно потемнело. Красивые глаза потухли.

– Эх, прощелкался, видно, Щелчок, – шутливо заметил ему Ивась.

Мик-Мик нерешительно помялся у дверей.

– Аврора Васильевна, простите на этот раз Шуру, – произнес он по-французски.

– Нет! Я же сказала!

– Ух! – вздохнул Мирский и скорчил комическое лицо.

– Тогда я останусь с Орлей. Дозвольте, тетенька, – послышался робкий голосок Гали, и она, застенчиво потупясь, выступила вперед.

– Этого еще не доставало! Ты пойдешь с остальными! – сурово остановила девочку гувернантка. – И, пожалуйста, называй меня так, как другие. Я не тетенька, а Аврора Васильевна.

– Злюка Сердитовна! – шепотом произнес Ивась своему другу Симочке.

– Ну, делать нечего, идем без Шуры, – произнес, вздохнув, Мирский и, быстрыми шагами приблизившись к мальчику, произнес ласково:

– Возьми-ка Галину доску, мой друг, да напиши скорее свой урок. А кончишь – нас догонишь!

– Против этого я ничего не имею! – отозвалась гувернантка.

– Ну, команда, рысью марш! В галоп!

И Мик-Мик помчался, как резвый мальчик, по длинному ряду комнат.

За ним помчались дети.

Аля Голубин схватил по дороге Галю за руку и увлек ее за собою. Девочка, зараженная общим потоком детского веселья, побежала вперед, оглянувшись, од-

нако, сначала на Орлю и крикнув ему на прощание:
– Кончай скорее, братик, и приходи. Я тебя жду!

Глава II

Как бы не так! Кончу! Ждите! Дурака нашли! – Орля взял доску, плюнул на нее и с размаха отшвырнул ее обратно на стол.

Потом, убедившись, что в комнате никого нет и все отошли далеко, он на цыпочках вышел из классной, прошел в общую спальню мальчиков и, нагнувшись, полез под одну из пяти кроватей, стоявших в комнате. В углу под этой кроватью (это была постель его, Орли) находилась небольшая корзина.

Тайна этой корзины была известна ему одному. Два дня тому назад, гуляя в отдаленной части сада, Орля наткнулся на небольшой серый комочек, свернувшийся на солнце.

При виде странного комочка глаза мальчика вспыхнули радостным огоньком. Он схватил серый комочек и, всячески избегая попасться кому-либо на глаза, пронес его в спальню и положил в пустую корзину с крышкой, сунув последнюю в угол под кровать.

Сейчас он вытащил снова корзину и, с величайшей осторожностью приоткрыв крышку, сунул в нее пальцы.

В ту же минуту что-то холодное со свистом обвилось вокруг них.

Орля быстро выдернул руку.

Серая змейка с темной головкой обвила несколькими обручами кисть его правой руки. Левой, свободной рукой мальчик достал из кармана пузырек с молоком, зубами открыл пробку и подставил бутылочку к голове змеи.

Последняя не заставила повторить приглашение и, просунув сплюсненную головку в банку, стала с жадностью пить молоко.

Это был безвредный уж, единственная порода змей, которые не жалятся и не приносят ни малейшего ущерба людям.

Такие ужи часто встречаются под полом крестьянских изб. Они совсем не ядовиты и почти ручные, вполне сживаются с людьми, даже пьют молоко с крестьянскими ребятишками, которые умышленно, чтобы привлечь ужей, ставят кринку на пол. Заслышав вкусный запах, ужи, большие любители молока, выползают из своих нор.

Вот такую-то змейку и удалось раздобыть Орле.

Пока змейка, погрузившись своей сплюсненной головкой в молоко, с наслаждением предавалась вкусному угощению, Орля, чуть касаясь пальцами, гладил ее грациозно изгибающееся тельце и говорил уныло:

– Видно, одна у меня и осталась радость – ты, уженька... Никому больше не нужен Орля. Вишь, и

Гальяка, верно, забыла обо мне, убежала с другими, и горя ей мало. Небось с Алькой, этим воробьем оципанным, дружбу водит теперь... Забыла про Орлю, точно и нет меня в живых больше... А все ведьма, эта, Аврорка... Ну, постой же... Отплачу я тебе... Уженька, друг ты мой, скажи ты мне на милость, как мне ей отплатить?

Но «уженька» даже и головы не повернул в сторону мальчика. Он весь ушел в дело удовлетворения своего аппетита и с тихим посвистыванием пил молоко.

Вдруг Орля неожиданно подскочил на месте так, что испуганный уж выдернул голову из горлышка бутылки и проворно уполз мальчику в рукав.

– Ага! Нашел! – воскликнул Орля. – Знаю, как отплатить старой злюке! Будет долго помнить! Ха, ха, ха!

И с неожиданно засверкавшими глазами Орля вприпрыжку выскочил из спальни, промчался длинным коридором в гостиную и остановился у крайнего окна.

Здесь стоял рабочий столик и кресло, за которыми все свободное время проводила Аврора Васильевна. Здесь же на столе стоял рабочий ящик гувернантки.

Глаза Орли остановились на ящике. Одною рукою он поднял его крышку, другою опорожнил дочиста, выкинув бесцеремонно за окошко длинную полоску кружевного, вязания и крючок.

Затем запустил левую руку в рукав правой, вынул оттуда приютившегося там ужа и, сунув его в ящик вместо выброшенной работы, плотно закрыл его.

– Ладно теперь! Сработано чисто! – произнес он, сверкнув лукавыми глазами и двумя рядами ослепительно белых зубов. Затем, повернувшись на каблучках, он уже направился было к выходу, когда внезапный храп сразу привлек внимание мальчика. Он живо обернулся.

В спокойном удобном кресле, уронив на колени французскую газету, спал сладчайшим сном, всхрапывая, monsieur Диро.

В то время как приятные сонные грезы носились в голове добродушного француза, самую голову, ради летней жары коротко остриженную, вернее, бритую, голую, как ладонь, осаждали мухи. На розовой коже черепа они ползали черными бегающими точками, грозя каждую минуту разбудить своим несносным жужжанием старика.

«Эге! Это не годится! – произнес про себя Орля, внезапно весь преисполняясь чувством жалости к спящему гувернеру. – Накрыть бы его чем, что ли?»

Живые черные глаза мальчика быстро обежали комнату, выискивая, что бы могло ему послужить покрывалом для старой учительской головы.

И вот они остановились на прекрасном пурпурово-

го цвета абажуре, в виде огромного цветка мака, накрывавшего лампу.

– Ну, вот и нашел! – весело, шепотом произнес Орля и, быстрым движением сорвав бумажный абажур с лампы, неслышно подкрался с ним к спящему и со всевозможной осторожностью опустил его на голову спящего Диро.

– Вот и ладно! Спи, старичок, с миром. Теперь небось мухи не больно-то разгуляются на твоей маковке, – произнес он, очень довольный своей выдумкой, и отошел к другому окну подождать прихода детей.

Глава III

– Ах, как хорошо было в лесу! Что ж ты не шел? Мы тебя ждали! – слышались под окнами веселые голоса.

– Кончил работу? Да?

– Это я тебе набрала! – застенчиво протягивая брату в окошко пучок земляники, произнесла Галя.

– А мы тебе хлыст вырезали! Гляди какой! – прибавил Счастличик и, в свою очередь, просунул в окно гибкую, тщательно обструганную от ветвей, лозу.

– Дай, душенька Шуренька, я его на твоей спине попробую! – дурачась, присовокупил Ивась.

– Принеси твою работу, Шура! Я ее посмотрю. Все буквы написал?

И Аврора Васильевна первая появилась на пороге гостиной. За нею толпились Мик-Мик и дети.

– Ах, что это такое? Посмотрите!

– Боже мой! Monsieur Диро! Что за странный головной убор! – неслось дружным хором с порога комнаты. И вдруг неудержимый взрыв хохота огласил стены гостиной.

Действительно, глядя на спящего Диро, нельзя было удержаться от смеха. Над красным потным лицом француза высился огромный бумажный цветок пур-

пурового абажура. Лепестки мака спускались, в виде бахромы, на его нос и уши. Только самый кончик носа комически высывался из-под одного из них, и на этом кончике сидела, широко воспользовавшаяся предоставленным ей относительным простором, муха.

От голосов и смеха француз проснулся и спросонок, плохо сознавая, что делает, машинально приложил руку к голове, приподнял свой колпак-абажур как шляпу и самым галантным образом раскланялся перед детьми.

– Bon jour! Bon jour! С добрым утром, Мик-Мик! Ви уже вернул? – говорил он с сонной улыбкой хорошо выспавшегося человека.

– Ах, monsieur Диро! Что это у вас за шляпа? – почти в ужасе прошептала Аврора Васильевна, единственная не смеявшаяся из всех.

Француз, недоумевая, посмотрел на то, что держал в правой руке, и в тот же миг, вспыхнув багровым румянцем, сердито закричал, далеко отшвырнув от себя злополучный абажур:

– Фу! Какой маленький негодник подшутиловал так глупи над старикашка Диро?!

– Это Шура! Он один оставался дома! – вставила, не без ехидства, свое слово Аврора Васильевна.

– О! – воскликнул monsieur Диро, шагнул по направ-

лению к Орле и, схватив его за плечи, потряс, уставившись строгими глазами ему в лицо.

– Это ты? Говори сей минутик, ты наплютоваль?

– Ничего не плутовал! – грубо вырываясь, процедил сквозь зубы Орля. – Вас же жалеючи, накрыл! Ишь, голова-то у вас ровно колено, и мухи опять же по ней...

– О... ты все навируешь... – произнес в сердцах monsieur Диро и слегка дернул за ухо Орлю. – И никто тебе не повериль... ты маленький негодник.

– Орля правду говорит, не обижайте Орлю! – раздался тихий, трепетный Галин голос.

– Действительно, правду, – подтвердил Мик-Мик.

– Слуга покорный, я умываю руки, если Михаил Михайлович заступается за этого негодного мальчишку! – недовольным тоном произнесла Аврора Васильевна, с обиженным видом отошла к столу и заняла свое обычное место в кресле.

– Ну, а скажи, пожалуйста, ты кончил заданную работу? – нахмурив брови, строгим голосом обратилась Аврора Васильевна к Орле, в то же время открывая свой рабочий ящик.

Но Орле не суждено было ответить. Что-то со свистом выскочило из ящика и поползло по столу.

– Змея! – неистовым воплем вырвалось из груди гувернантки, и она с воплем: – Дурно, мне дурно! Змея! Змея! – откинулась, бледная как смерть, на спинку

кресла.

– Змея! Змея! – кричали дети, в испуге отступая в дальний угол комнаты.

Мик-Мик в сопровождении Вани кинулся к столу.

– Да это – уж! Не бойтесь! Безвредный уж. Откуда он взялся? – слышались через минуту их ободряющие голоса.

– Води... сюда капель... мадмуазель Аврор упал в нечувствовании! – волновался Диро, хлопоча подле испуганной гувернантки.

Из внутренних комнат бежали Франц, няня, за ними спешили Валентина Павловна и Ляля.

– Что случилось? Ах, змея! Гадюка! Убейте ее, убейте! – не своим голосом вскричала бабушка. – Эта змея всех детей пережалит. Ох, какой ужас! Кира, отойди! Отойди, Счастличик! Тебе говорят, отойди!

– Господи! Батюшки! Иисусе Христе! И подумать только, откуда взялась эта нечисть! – причитала няня, благоразумно пятась к дверям.

– Да успокойтесь же! Успокойтесь! Это уж, а не змея! У нее нет жала, нет яда! – подбегая к каждому отдельно, кричал им всем в уши Мик-Мик.

Но его никто не слушал. Не хотели слушать. Все бегали, волновались.

– Франц, – кричала бабушка, – возьми палку и убей эту мерзость!

– Сорок грехов тебе за это отпустится, мой батюшка, – вторила ей няня.

– Да поймите же, это не змея, а уж! – надрывался Мик-Мик.

И вот, в самый разгар суматохи, в то время, как Мик-Мик, monsieur Диро и Валентина Павловна возились подле все еще стонавшей Авроры Васильевны, а Франц и дети, окружив на почтительном расстоянии ковер с извивающейся на нем змейкой, не знали, что предпринять, Орля вынырнул из их толпы и, бросившись к ужу, схватил его рукой.

Затем так же быстро он промчался в сад, в самый дальний угол его.

– Ну, уженька, гуляй на свободе, – проговорил он, выпуская из рук змейку, – держать тебя дома больше нельзя. Доищутся, тогда и пиши, брат, пропало! Утекай, братец ты мой, откуда пришел.

И он тихо свистнул, подражая свисту ужа. Последний поднял головку, огляделся и быстро заскользил в высокой густой траве...

Глава IV

– Кто посадил в мою рабочую корзинку эту гадость?

Голос Авроры Васильевны звучит особенно суровыми нотками. На голове ее компресс. Под носом она держит пузырек со спиртом. Она едва пришла в себя от испуга. До сих пор, от времени до времени, дрожь пробегает у нее по телу при одном воспоминания о змее.

Дети стоят молча перед нею, испуганные ее бледный лицом с заострившимися чертами.

Все молчат. Молчит и Орля, угрюмо уставясь в землю.

«Нет, дудки, шалишь, – думает он, – не признаюсь ни за что. Чего доброго, велит запереть в комнату. А главное, Гальке запретит играть со мною. Лучше уж молчать».

– Напрасно виновный не сознается, – снова, после минутной паузы, повышает голос Аврора Васильевна. – Это сделал Шура. Никому другому в голову не придет так бессердечно поступить со мною, – неожиданно заключила она, переводя гневные глаза на цыганенка.

«Вот оно! Начинается! Докопалась-таки эта злючка!» – тоскливо пронеслось в мыслях Орли, и он еще

угрюмее уставился в землю.

– Шура будет за это строго наказан! – сделала неожиданный вывод гувернантка, обдавая Орлю пронзительным взглядом своих строгих карающих глаз.

Маленькая фигурка Счастливича протискивается вперед.

– Это сделал я! – слышится его смущенный голос, в то время как все устремляют на него изумленные глаза. – Ради Бога, простите меня, Аврора Васильевна! – подхватывает он, не дав произнести никому ни слова. – Но я не нарочно... Я думал, что вы сразу поймете, какая это змея... не ядовитая... безвредная... и, шутки ради, посадил ужа к вам в корзинку. И-и...

Счастливик совсем не умеет лгать. Он путается, краснеет и замолкает.

– Возможно ли? Нет! Вы не могли этого сделать, Кира, – говорит с отчаянием в голосе Аврора Васильевна, – вы, наш Счастливик, наша общая радость и утешение, вы не могли поступить так! Нет! Нет! Этому я не поверю никогда! Не поверю никогда!

Глаза Авроры Васильевны наполнились слезами. Она так любила Киру, так надеялась на него, – и вдруг он поступает не лучше какого-то дикого цыганенка!

– Не верю! Не верю! – стонет она и крутит голову.

– Так вот же ваша работа. Теперь вы поверите... и

простите меня...

С отчаянием в лице, в своих темных глазах-коринках, Счастливики запускает руку в карман и вытаскивает оттуда работу: злополучный клубок ниток, полоску кружева и вязальный крючок, которые он подобрал в саду случайно по дороге из леса.

Последнее и самое веское доказательство Киры налицо. Аврора Васильевна подавлена, молчит с минуты, потом неожиданно кричит:

– Валентина Павловна!.. Лялечка!.. пожалуйста сюда!.. Послушайте только, что выкинул наш любимчик!

Старушка Раева и хроменькая Ляля поспешили на ее зов.

– Что такое? Что?

Аврора Васильевна с тем же дрожащим от обиды голосом рассказала, в чем дело.

– Кира! Кирушка! Возможно ли? О, как это ужасно! – восклицают в один голос и старая бабушка, и хроменькая внучка.

Да, это невозможно.

И Счастливики, поняв всю тяжесть возложенной им на себя чужой вины, прильнул к груди бабушки и залился слезами.

– Кирушку и Шуру барышня к себе просит, – заглядывая в спальню мальчиков, торжественно провозгласила няня.

В это время Ивась только что успел запустить подушкой в Ваню Курнышова, который, в свою очередь, схватив с окна лейку с водой, предоставил своему маленькому товарищу возможность познакомиться с холодным душем.

– Бесстыдники! Угомону на вас нету, – негодовала няня, – ни ночью, ни днем!

– Холодные души рекомендуется принимать во всякое время суток, – деловым тоном заметил Ваня, в то время как мокрый, как утенок, Ивась отряхивался от воды, неистово хохотал и кричал:

– Ну, постой же ты у меня!.. Я тебе такого гусара в нос запущу! Усни только!

Когда Счастличик в сопровождении Орли вошел в комнату Ляли, та сидела над книгой у стола.

В ее небольшом уголке было тихо, тепло и уютно. У киота с образами горели лампы, и их мерцающие огоньки освещали суровые лица святых на иконах... И лицо Того, Кто смотрел из-под тернового венца печальными кроткими очами, говорило без слов о все-

прощении в любви.

Ляля опустила книгу на колени и смотрела на входивших к ней мальчиков.

– Кира! – произнесла она, лишь только маленький брат приблизился к ней. – Я все знаю. Это не ты положил змею в корзинку Авроры Васильевны, а Шура...

– Шура! – обратилась она к мальчику, в то время как вспыхнувший до корней волос Кира опустил свои правдивые глаза. – Зачем ты не сознался?

Орля сурово сдвинул брови и потупился.

– Она – злая! Она бы заела меня! И Гальке бы опять со мной якшаться запретила, – угрюмо пробурчал тот.

– А если бы Киру наказали, что бы тогда сделал ты? Черные глаза Орли вспыхнули ярко.

– Тогда бы я пошел и сказал, что это я.

И так как Ляля все еще смотрела на него своими кроткими глазами, он прибавил, заливаясь румянцем по самую шею:

– Или ты не веришь, барышня Ляля, что сказал бы? Рука калеки-девочки легла на плечо Орли.

– Нет, верю, – проговорила она просто. – Но мне мало этого. Я бы хотела, чтобы ты чем-нибудь добрым и хорошим отплатил Кире за перенесенную им ради тебя неприятность.

– Я? – глаза Орли зажглись новыми бойкими огоньками. – Да я за него, кажись... Кирушка, хочешь я те-

бе живьем белку из леса раздобуду? А не то лисенят приволоку. Я их норы искать умею. Хочешь?

– Нет... Не того от тебя надо, Шура, – остановила расходившегося мальчика Ляля, – обещай здесь, что ты для удовольствия Киры и моего начнешь хорошо учиться, прилежно заниматься, не грубить Авроре Васильевне... Слушаться ее... Забыть свои резкие замашки... Обещаешь?

– Да нешто надо это Кире? – искренне усомнился Орля.

– И мне, и Кире, и всем нам. Не правда ли, Кира? – обратилась снова Ляля с вопросом к брату.

Тот протянул свою крошечную ручку маленького человечка Орле.

– Да, Орля, ты должен исправиться, – сказал Кира, – ведь я хочу тебя видеть хорошим, всеми любимым, добрым человеком!

Странно прозвучали слова эти в душе Орли. Его любят. Его, всем чужого, далекого всем, кроме Гальки... У него есть друзья, есть люди, которые ему хотят добра, которые его любят...

В суровом одиноком сердечке закипало что-то... Светлый проблеск счастья зародился где-то глубоко на дне его...

Орля взглянул на сестру и брата, и светлая улыбка озарила его лицо.

– Ладно! – проговорил он. – Постараюсь... А только, чтобы она, эта злюка, гувернантка, ко мне зря не приставала...

И умышленно громко, чтобы подавить свое волнение, стуча сапогами, он вышел из комнаты.

Глава V

Господи помилуй! Не узнать басурмана нашего! Тише воды – ниже травы, – говорила поутру няня Степановна, потягивая с блюдечка на кухне горячий чай вприкуску.

– Уж и подлинно уходился мальчонок, по всему видать, – вставил свое слово Франц.

– Помилуйте, нынче приходит утром, ни свет ни заря. Дай, говорит, бабка, я тебе пособлю дом убирать к барынину празднику, пол помою и все прочее. Ну, я это ему в руки ведро, мыло, мочалку. Пущай поработает. Не барин. Потрудится для благодетелей своих.

– Известно, потрудиться не худо. И то сказать, к барышнину рождению. Она у нас – ангел кроткий, печется о всех, так на нее не грешно и поработать за это, – вставила свое слово толстая кухарка, угощавшая совместно с няней и Францем чаем.

В это время тот, о ком шла речь, с ведром в руках, с мочалкой и мылом под мышкой, с засученными по локоть рукавами, стоял посреди гостиной, недоумевая, с чего ему начать.

Все стены комнаты, несмотря на летнее время, были увешаны картинами без чехлов, в золоченых рамах.

Орля знал, что чехлы сняли ради приближающегося праздника. Знал, что ко дню Лялина рождения съедется много гостей, детей и подростков из соседних помещичьих усадеб и имений. Знал, что Ляля упросила бабушку сделать детский вечер с танцами для брата, Симочки и их друзей.

Лялю Орля любил беззаветно. Она сама занималась с ним теперь, избавив его, таким образом, от уроков сварливой и строгой гувернантки. И вот, ради нее, он готов Бог весть на какой труд пойти, лишь бы угодить милой барышне Ляле.

Сейчас он стоит с разинутым ртом посреди гостиной. – Окна, двери, сначала... пол... А потом всю эту бестолочь хорошенько отмыть надо... Небось мухами позасижено вдоволь, – решает он и, внезапно одушевившись, принимается за уборку и мытье.

Еще рано. Всего семь часов. Раньше девяти никто не встает в этом доме. О, он успеет, конечно, успеет покончить со всем этим. То-то неожиданность будет для всех!

В какие-нибудь три четверти часа Орля поканчивает с полом, окнами и дверью, ставит на место отставленную мебель и, тщательно намылив мочалку мылом с водою из грязного ведра, лезет с ногами на шелковый диван, затем ожесточенно принимается тереть грязной мочалкой одну из картин, с изображени-

ем усадьбы.

Но что это? Чем больше трет он, тем грязнее делается картина. Часть водяных красок остается на мочалке, часть расплзается по всему фону. Теперь уже на картине не вид усадьбы как будто, а целое разливное море – к довершению всего – черное море.

Орля поражен. Но рассуждать ему времени мало; он изо всей силы принялся уничтожать грязные потоки на картине, отчего последние следы деревьев, крыши дома, кустов и скамейки остались на мочалке.

После этого Орля перешел ко второй акварели – портрету какого-то почтенного старика.

На бороде и усах этого старика чернели некрасивые пятна от мух, и на эти-то пятна обратил особенное внимание Орля.

Он обмакнул свою грязную мочалку в не менее грязную воду и, поднеся ее к портрету, стал старательно тереть его до тех пор, пока от почтенного старичка на полотне картины остался лишь один нос и половина щеки... – Стерлось маленько, зато чисто. Ишь ты – ровно зеркало! – очень довольный собою, проговорил Орля, полюбовавшись на свою работу.

Еще несколько картин, к несчастью написанных водяными красками, имеющими способность растворяться в воде, привлекают внимание Орли, и все они так же «вычищены», как первые. Затем Орля направ-

ляется к лежащим на столе альбомам.

Взмах мочалки... Еще один и еще... И изящные вещицы из кожи с плюшевой и атласной отделкой превращены в грязное тряпье.

Вода льется с них по бархатной салфетке мутными ручьями па ковер, оставляя на нем грязные пятна...

Не смущаясь, однако, Орля тащит на ковер ведро с грязной водой. По дороге он зацепляет ногою кресло и летит вместе с ведром на гладкий блестящий пол.

Мутный поток в ту же минуту, с головы до ног, окачивает его, но мальчик чувствует себя в грязной луже так же, как утенок в пруду.

Дело сделано. Он все-таки сделал уборку.

– Ах, разбойник! Ах, убивец ты мой! Ах, батюшки-светы, умираю! Спасите! Помогите! Умираю! Моченьки моей нет! – и няня, случайно заглянувшая в комнату, исполненная тихого ужаса, останавливается как вкопанная у порога с широко раскрытыми глазами.

На ее крики сбегается весь дом.

– Няне дурно! С няней припадок! – слышатся испуганные расспросы.

У всех бледные расстроенные лица, широко раскрытые глаза. Все смотрят, преисполненные тревоги, то на няню, в отчаянии раскачивающуюся у порога с таким видом, точно у нее болят зубы или живот (такое у нее страдальческое лицо в эти минуты!), то на Ор-

лю, остановившегося перед разлитым ведром с растерянным и глупым видом. И вдруг чей-то веселый голос крикнул на всю комнату:

– Нос! Посмотрите-ка, нос!

Чья-то рука показала на картину, и все стало сразу понятным и ясным.

– Нос! Нос дяди Пети! А где же брови, глаза, губы и его великолепные усы? – кричал Счастливчик, широко раскрывая свои глаза-коринки.

– Они там! – патетически воскликнул Мик-Мик, указывая на ведро. – Они в ведре!

– И деревья в ведерке, и крыша дома, и сад с другой картины! Ах, все, все!

– Ха, ха, ха, ха!

– Ха, ха, ха, ха!

Взрыв хохота огласил залу. Как ни жаль было порчи хороших вещей, но трудно было не смеяться.

И все смеялись – и бабушка Валентина Павловна, и суровая Аврора Васильевна, и бледненькая Ляля, и четыре мальчика, и веселая Симочка, и насмешник Мик-Мик.

Одна Галя смотрела испуганно на своего брата, и маленькое сердечко девочки било тревогу.

Она боялась за участь Орли. Она поняла, что все это опустошение, вольно или невольно, произвел ее названный брат.

Да еще няня Степановна не могла прийти в себя. Она все еще раскачивалась из стороны в сторону и не то жаловалась, не то сокрушалась, громко изливая свое горе:

– Убивец ты мой! Душегуб ты мой! Погубил ты меня ни за грош! Экую уйму добра напортил!

– Успокойтесь, няня, – неистово хохотал Мик-Мик.

– «Успокойтесь!», «Успокойтесь!» – передразнивала его старушка, окончательно выйдя из себя. – Успокойсья тут, когда все перепорчено!..

В это время мокрая жалкая фигура со стекающими с нее мутными потоками воды приблизилась к Валентине Павловне.

– Барыня-бабушка! – произнес Орля, волнуясь. – Ты уж меня того... прости – не нарочно я, почистить малость ладил, а они... штоб их, разошлись и слиняли, ровно и не было их...

И он так комично развел руками, до того потешна была его мокрая фигурка, что нельзя было удержаться от нового взрыва смеха, глядя на него.

Первая успокоилась Валентина Павловна.

– Не бойся, мой мальчик, никто за это не накажет Тебя, – проговорила она, положив руку на иссиня-черную голову.

И, повинувшись внезапному порыву, Орля схватил бабушкину руку бессознательным жестом и поднес к гу-

бам.

Это была первая потребность проявить при людях свою благодарность, зародившаяся в беспокойном сердце маленького цыганенка.

И хохот смолк, как по команде; все встали.

Глаза бабушки с мягким ласковым блеском остановились на чумазой рожице маленького дикаря.

Глава VI

Чудный теплый августовский вечер. Широко раскрыты окна раевского дома. Ярко освещенные комнаты сплошь увиты гирляндами из зелени и цветов. Это мальчишки с Мик-Миком встали до восхода солнца и украсили дом в честь Ляли.

Сама новорожденная, в новом платье, с перевитой лентой в длинной темной косе, ходит па своих костылях по комнатам и отдает последние распоряжения.

В восемь часов начнут съезжаться гости, а надо еще так много сделать до них.

Няня Степановна суетится у стола, приготавливая чай. Сколько тут разных вкусных вещей! Вазочки и тарелки наполнены фруктами, конфетами, всевозможным печеньем и вареньем.

В саду развешаны фонарики для иллюминации. Очищено место для фейерверка и бенгальских огней. На большой лужайке перед домом разложен огромный костер. Дальше несколько костров поменьше. Это для кучеров, которые привезут помещичьих детей на Лилии вечер, на случай, если ночь будет холодна. Им поступили невдалеке и стол с угощением: с окороком, ветчиною, пирогами и пивом.

Валентина Павловна очень гостеприимная и забот-

ливая хозяйка. Она печется обо всех.

Мальчики – Кира, Ивась, Ваня и Аля давно одеты в одинаковые белые коломянковые (коломянка – шерстяная домотканина) блузы.

У единственного из них – Киры только имеется великолепный новенький форменный мундирчик с серебряным шитьем и блестящими пуговицами; у других его нет. Мундир стоит дорого, и бедные люди не могут сделать его своим детям.

Этого довольно, чтобы Счастличик отказался нарядиться в мундир и остался, как все, в коломянковой блузе.

– Господа, а где же Шура? – неожиданно спросил кто-то у присутствующих.

– Надо Галю спросить! Вон она бежит сюда. Галя, Галя! Где твой брат?

Маленькая Галя сегодня вся преобразилась. В нарядном светлом платье, с тщательно расчесанными по плечам, вьющимися волосами, убранными старательными руками Ляли, она кажется очень хорошенькой. Восемь лет таборной жизни среди грязных и грубых цыган, в нищете и впроголодь, среди побоев и брани, совсем не оставили на ней следов.

– Вы спрашиваете, где Орля?

Галя, единственная изо всех в доме, не может привыкнуть называть брата непривычным ей именем Шу-

ры.

– Я не видела его! – прибавляет Галя.

– Шура! Шура! Где ты? – несутся через несколько минут призывные крики по всему дому.

Орля отлично слышит их, но не откликается.

Все эти праздничные приготовления, бальное на-строение, суета и нарядные костюмы не по нему. Он заранее смущается приезда гостей, чужого народа, танцев и музыки, которые начнутся через полчаса.

Он присел под окном в кустах сирени, не обращая внимания на то, что пачкает в сырой росистой траве свой новенький костюм, белые коломянковые штаны и блузу.

Еще за месяц до бала его и Галю учили танцевать. Monsieur Диро садился за рояль, Мик-Мик показывал «па», и они должны были кружиться по гладкому, скользкому паркету зала. И странное дело: в то время как Галя легко и свободно, с врожденной ей грацией проделывала эти па, точно всю свою жизнь училась танцам, он, Орля, не умел ступить ни шагу под музыку.

Сейчас Орля злился на весь мир безотчетной злобой и даже, чуть ли не впервые в жизни, злился и на Галю.

– И чего радуется! Чего сияет! – ворчал он себе под нос, выглядывая из своего убежища. – Вырядилась

чучелом и воображает, что барышня тоже... Подумаешь, как хорошо... И все с Алькой этим ледащим дружит... Ровно он ей брат, а не я... Ишь, вон опять закружилась с ним волчком по зале...

Орля вылез наполовину из своего убежища и впился глазами в окно.

Действительно, Аля Голубин кружился с Галей, повторяя с нею па вальса перед балом.

– Галька! – вне себя крикнул Орля. – Поди-ка сюда!

Услыша голос любимого брата, девочка проворно оставила своего маленького кавалера и побежала к окну.

– Ты здесь, Орля? Почему ты не идешь к нам?

– Очень я тебе нужен! – зашептал мальчик, вылезая из своей засады и подходя к окну. – Ишь, ты, как обарилась с ними! Эх, Галька, не узнать тебя! Такая ли ты была? Ты меня, брата своего, разлюбила?

И Орля взял за руку сестренку.

– Нет, нет, Орля, я все такая же и люблю тебя, братик милый, больше всех в мире! А только и сама не знаю, почему-то мне кажется порою, что все жила я в господском доме, всегда прыгала и танцевала в нарядных комнатах, всегда хорошо одевалась и вкусно кушала на хорошей посуде... Оттого я так хорошо, свободно чувствую себя здесь...

– И все-то ты врешь! – резко оборвал сестру маль-

чик. – Жила ты в таборе и черствый хлеб глодала.

– А раньше, Орля, а раньше?..

Синие глаза Гальки широко раскрылись. Она точно силилась припомнить что-то и не могла.

– Гости едут! Гости едут! – послышались веселые голоса из окон гостиной.

– Галя! Галя! Иди скорее! Мы сейчас представим тебя нашим гостям.

И, весело улыбаясь, Кира подбежал к окну, схватил за руку девочку и увлек ее за собою.

Орля одним прыжком отпрянул от окна в кусты и притаился там, не спуская, однако, глаз с освещенных окон залы. Его мятежное сердечко снова забило тревогу. Он, казалось, совсем забыл данное Ляле обещание.

– И Гальку-то отняли! И Гальку! – шептал он, и кулаки его сжимались, а черные глазенки разгорались снова недобрым огнем.

Глава VII

– Вот и мы, Валентина Павловна. Мы приехали с папой. Поздравляем вас и Лялечку. Мама с тетей Натали будет через час. У нас новая тетя гостит. Вы ее не знаете. Ах, она такая прелесть! Только грустная, печальная, а уж добрая, как ангел. Говорят, у нее горе большое было в жизни. Она не родная наша тетя, а мамочкина подруга по институту, а уж красавица такая. Дуся! Прелесть! Вот увидите.

Все это бойко тараторила Сонечка Сливинская – нарядно одетая институточка, входя в гостиную Раевых вместе с отцом своим, полковником в отставке, младшей сестрой Катей и братьями, пажом Валею и лицеистиком Анатодем.

Валентина Павловна, Ляля, Аврора Васильевна, Мик-Мик, monsieur Диро и дети встречали гостей на пороге зала.

Смех, шутки, поцелуи, приветствия так и сыпались со всех сторон.

За Сливинскими приехали Картаевы: очень важная по виду мамаша и две дочки-двойняшки, Мимочка и Ниночка, одиннадцатилетние девочки, корчившие из себя взрослых.

Затем – купчиха Таливерова со своими шестью до-

черьми и четырьмя сыновьями-реалистами.

Еще приехала Зоренька Тимьева – подруга Ляли, нарядная пятнадцатилетняя барышня-подросток, жившая по соседству с Раевыми. Приехала она с братом, гимназистиком Валером.

Приехала, кроме того, бедная помещица Гарина со своими четырьмя детьми – старшей девочкой Сашутой и малышами-сыновьями, и еще несколько человек гостей.

Купчиха Таливерова, необычайно большая женщина с грубым голосом и очень добрым сердцем, лишь только вошла, как забасила на всю залу:

– Ну, а цыганят ваших вы нам покажете, Валентина Павловна?

– Вот один экземпляр, позвольте представить вашему благосклонному вниманию! – выдвигая вперед смущенную Галю, произнес Мик-Мик.

– Батюшка, да она совсем как мы, русские! – забасила Таливерова. – А цыгане-то больше чумазые, прости Господи, на тех похожи, кого и назвать страшно.

– Именно страшно! – подхватил Мик-Мик. – Но сия благодетельная девица нами всеми любима за свою кротость. – И он погладил по головке смущенную Галю. – К тому же она приемыш цыганский, а не цыганка вовсе, такая же цыганка, как и мы с вами, – прибавил

Мик-Мик.

– А ее брат где же? Мы столько слышали о нем, – интересовались юные гости.

– Он пошел искать луну, – сострил Ивась.

– Зато оставил здесь следы своего пребывания.

И Ваня Курнышов торжественно указал рукою на висевшие вдоль стены картины и портреты со смытыми рисунками.

– Ха, ха, ха! – засмеялась молодежь. – Мы знаем эту историю.

– Дети! Дети! Чаю не угодно ли, фруктов и конфет? Господа взрослые, пожалуйста! – приглашала всех Валентина Павловна к столу.

– Воображаю эту таборную цыганку! – шепнула Ми-мочка на ушко сестрице. – Как она танцует!

Ниночка презрительно пожала плечиками.

– И есть, верно, не умеет как следует!

Веселая Сонечка подбежала к Ляле.

– Узнаю твою золотую душу! – затрещала она, покрывая лицо хромой девочки бесчисленными поцелуями. – Вся ты живешь для других. Сама не можешь веселиться на балу, так другим предоставляешь возможность поплясать и попрыгать.

– Ляля, наша единственная в мире Ляля! – подтвердил Счастличик с таким видом и важностью, что все не выдержали и рассмеялись.

Лишь только дети и подростки успели напиться чаю и на славу угоститься сладким и фруктами, – тихие и мелодичные звуки вальса послышались из гостиной.

– Танцевать! Танцевать! Ах, как весело! Идемте. Идемте скорее! – выскакивая из-за стола и бросаясь в гостиную, кричала молодежь.

Столовая опустела. Там осталась одна Галя. Проворным движением девочка взяла со своей тарелки положенные ей туда Лялей грушу, яблоко и конфеты, к которым она не прикоснулась за чаем, и сунула их в карман.

– Это для Орли. Он, бедненький, не пришел к столу! – шепнула она с доброй, ласковой улыбкой и поспешила в залу.

* * *

Чудные, душу ласкающие звуки несутся из-под рук тапера, выпященного нарочно из Петербурга Валентиной Павловной ко дню рождения внучки. Звуки эти вылетают сквозь открытое окно в сад. По зале кружатся веселые пары. Юные личики дышат счастьем, разгоревшиеся глазенки так и блестят.

К полному удивлению Мимочки и Ниночки, «таборная цыганка» оказалась очень грациозной танцоркой. Галя своим изяществом поражает даже взрос-

лых, занявших места вдоль стен комнаты и любующихся праздником детей.

Счастличик, с галантностью настоящего маленького хозяина дома, приглашает без конца юных дам.

Вот Кира останавливается перед высокой Сашутой и расшаркивается перед нею.

– Позвольте вас просить!

Он с особенным удовольствием танцует с девочками Гариными, потому что они очень бедные дети и одеты хуже всех. А бедность и лишения всегда находят себе отклик в отзывчивом сердечке Киры.

– Кирушка, опомнитесь! Да вы мне по талию будете, уж очень я высокая дама для вас! – смущенно бормочет Сашута, которая действительно ростом почти вдвое больше Киры.

– Не беда, – встряхивает кудрями Счастличик, – лишь бы весело было!

– Жираф и воробышек! – острит Ивась.

Он танцует с Мимочкой и все не может попасть в такт.

– Ах, Боже мой, – волнуется девочка, которой ужасно хочется изображать взрослую, – вы совсем не умеете танцевать вальс!

– Начихать! Зато как я гопак валяю – небу жарко!

– Что это за гопак? – высоко вскинув бровки, осведомляется Мимочка.

– Малороссийский танец. Вот танец! Пальчики облизжете! – восторженно восклицает Ивась и попадает каблуком своей «даме» на ногу.

– Воображаю, – морщась от боли, тянет Мимочка, – мужицкий танец! Одни мужики его танцуют. И чему вас в гимназии только учат, право! – возмущается она.

– Чему учат? О, многому! – весело хохочет Ивась. – Географии учат, фотографии, типографии, долблению, вихрекручению, орфографии, каллиграфии, французскому, русскому, зубрежке, долбежке... – перечисляет скороговоркой синеглазый хохол.

– Ха, ха, ха, ха! – не выдержав своего тона взрослой девицы, разошлась смехом Мимочка.

– Хихихихи-хахахаха, пляшут две курицы и три петуха! – вторит ей Ивась.

У печки изо всех сил старается выделять па толстый увалень Ваня.

Он пытит, как самовар, и обливается десятым потом. Его дама, нарядная аристократка Зоренька, снисходительно улыбается, хотя ее неуклюжий кавалер отдал ей все пальцы.

– Нет, не могу! – потеряв наконец терпение, смущенно говорит Ваня. – Я от печки привык... Уж вы извините, но я должен начинать от печки...

– Да ведь мы и так от печки начинаем! – смеется его дама.

– Так это печка с правой стороны, а я привык, чтобы она была с левой! – смеется Ваня.

– Экая невежа печка, что бы ей в сторонку налево отойти! – острит плавно танцующий с младшей сестрой лицеист Толя.

Посреди зала Мик-Мик с Симочкой танцуют что-то среднее между вальсом и галопом. И оба от души хотят.

– Что, Симочка, – замогильным голосом басит Мик-Мик, – вы не очень скучаете с вашим старым кавалером?

– Вы не старый, Мик-Мик, – протестует Симочка, – сколько вам лет?

– Сегодня в обед минуло сто лет. Если отнять от ста семьдесят восемь, то что останется, то и будет мое. Сколько мне лет, Симочка? А? Решите!

– Двадцать два года! – живо сообщает девочка.

– Молодчина! Решила быстро.... отменная девица! А вот другой задачи вам не решить ни за что: где Шура?

– Не знаю.

– И я не знаю тоже! – с комическим видом вздыхает Мик-Мик. – Господа! – на минуту заглушая музыку своим деланным басом, повышает он голос, останавливаясь среди залы. – Кто отыщет Шуру, тому третья часть вознаграждения! Слышите меня!

– Слышим! Слышим!

– Он, верно, в саду. Идем искать его! Идем скорее! – весело отзываются дети.

Мальчики быстро выбегают из залы и рассыпаются по аллеям сада. Минут десять оттуда, с разных сторон, доносятся их веселые голоса.

Вдруг звонкий голос Ивася покрыл все остальные. «Нашли! Нашли!» – кричит Ивась на весь сад.

Еще минута – и на пороге залы Ваня и Ивась, а между ними Орля.

Его костюм отсырел. На нем темные пятна. Успевшие отрасти за лето кудри спутались и нависли на лоб. Глава блуждают. Он думает, что его будут бранить, и принимает боевую позу. Кстати, он уже успел подраться по дороге сюда с синеглазым хохлом.

Но бабушка Валентина Павловна, как ни в чем не бывало, ласково проводит по его кудрям рукою и, представляя гостям, говорит:

– Это наш друг, Шура. Он уже привык к нам, хотя все еще немного дичок.

Потом, нагнувшись к его уху, тихо шепчет:

– Пойди, переоденься, дружок, и приходи к нам скорее.

Этого момента Орля только и ждал.

Несколько прыжков – и он уже за дверью, быстро прибежал к себе и, сорвав с себя свой новый костюм,

облачился в будничный: плисовые шаровары и красную рубашку.

– Пусть Галька расфуфыривается, сколько хочет, а мне не надо. Хорош и такой! – сердито бурчал он себе под нос.

Когда мальчик снова появился в зале, веселье там было в полном разгаре.

Дети танцевали и резвились от души. Галя с Алей, как две беленькие птички, носились по комнате, возбуждая всеобщее одобрение.

– Совсем как брат с сестрой! – восхищалась Таливерова. – И кто скажет, что это – маленькая цыганка, выросшая в таборе! И как они подходят друг к другу: такие оба кроткие, тихонькие, нежные, как голубки.

Эти слова достигли до ушей Орли и точно ударила его молотом по голове.

– Галька подходит к Альке, этому ошипанному воробью? Нет, уж дудки! Дружбе этой не бывать! Я ее брат, а не Алька... Зазналась она больно...

И, закипая внезапным приливом злобы, он шагнул: по направлению танцующих детей.

– Мальчик, что ж вы не танцуете? Хотите, я протанцую с вами? – внезапно раздался за его плечом веселый щебечущий голос.

Орля живо обернулся и увидел нарядную Сонечку Сливинскую. При виде ее беззаботного лица гнев Ор-

ли запылал еще больше.

– Ну, чего лезешь! – грубо окрикнул он ее. – Мне Альку проучить надо.

– Ай-ай-ай! Какой сердитый! И не стыдно быть таким сердитым, а? Пойдем-ка лучше попляшем, ди-карь ты этакий.

И Сонечка быстро схватила за руки Орлю и закружила его на месте.

Новый, уже безудержный прилив злобы обуял цыганенка. Не помня себя от злости, он схватил сам Сонечку за тоненькие кисти рук и закружил ее по зале.

Сначала она весело хохотала и сама помогала быстроте верчения. Но взбешенное, побелевшее от волнения, лицо Орли, в вихре мелькавшее перед ней, вдруг испугало девочку, вспугнуло ее веселость.

– Довольно! Довольно! Я устала! У меня кружится голова! – хотела она крикнуть и не могла.

От быстроты верчения дыхание замерло у нее в груди. Лицо побелело, как бумага, глаза остановились с широко раскрытыми зрачками.

А Орля все кружил ее и кружил с умопомрачительной быстротой.

Музыка прекратилась... Со всех сторон к ним бежали старшие... Дети кричали что-то... О чем-то просили...

Но Орля был как безумный. В этом бешеном круже-

нии он срывал свою злость на ни в чем не повинной Сонечке.

– Остановите его! Остановите! – кричали перепуганные насмерть дамы.

Мужчины бросились к Орле.

Вдруг он выпустил руки Сонечки, и та грохнулась на пол, тяжело ударившись головой о ножку стола...

Что было с нею – Орля не хотел я не мог видеть. Он, как дикий зверек, в несколько мгновений перебежал залу, перескочил через пять ступеней лестницу террасы и бросился в сад, оттуда на двор, где горели костры и поодаль от них угощалась приезжая прислуга...

Отбежав подальше, он кинулся на траву, взволнованный и неподвижный, испуганный насмерть своим поступком.

Глава VIII

– Ничего, ничего, право же, ничего. Мне не больно, ничутьки не больно! – уверяла всех бледная, едва стоявшая на ногах, измученная Сонечка в ответ на тревожно сыпавшиеся на нее вопросы взрослых и детей, предлагавших ей спирт, воду, валерьяновые капли, лекарства.

Валентина Павловна успела уже намочить водою полотенце и положить его на голову девочки.

Отец Сонечки, полковник Сливинский, был очень взволнован.

– Ну и мальчуган! Немало он наделает вам еще бед! Помянете меня, Валентина Павловна.

– Вы правы, полковник, – вмешался Мик-Мик. – Шура наш, Щелчок-мальчишка, отчаянный паренек... Но ведь не виноват же он, что в жилах его течет кровь буйного цыганенка. А все-таки я готов побиться об заклад, что у него добрая, чистая, неиспорченная душа и что со временем он сделается неузнаваем...

– Ну, пока мы дождемся этого, он всех ваших ребят покалечит, – сердито отвечал Сливинский.

Валентина Павловна, смущенная и взволнованная, извинялась перед ним и Сонечкой.

Последняя, желая успокоить всех, говорила:

– Ну, право же, мне не больно, совсем не больно! Я не сильно ушиблась, нет!

– А Шура будет все-таки строго наказан, – проговорила бабушка.

Чье-то тихое, чуть слышное, всхлипывание последовало за ее словами из дальнего уголка залы.

– Галя! Галя! О чем ты, дитя мое?

Симочка и Ляля поспешили к плачущей девочке, взяли ее за руки и подвели к Раевой.

– Бедная крошка, о чем это она?

Теперь все взоры устремились на девочку с большими кроткими глазами, из которых текли целые потоки слез.

Совсем смятенная всеобщим к ней вниманием, Галя полезла за платком в карман, и – о, ужас! – оттуда посыпались яблоко, груша и конфеты... целая масса конфет.

Испуганная неожиданностью, девочка еще больше залилась слезами.

– О, я не воровка, – шептала она сквозь рыдания, закрывая лицо обеими ручонками. – Я для Орли это... для братика... мне Ляля дала.

– Бедная девочка! О чем такие горячие слезы? – прозвучал из толпы гостей чей-то нежный голос, и высокая тоненькая шатенка с печальными глазами и очень серьезным лицом выступила вперед. За нею

спешила кругленькая, толстенная дама. Они только что приехали и незаметно, среди общего шума, смешались с толпой.

– Валентина Павловна, – проговорила толстушка, протягивая руку Раевой, – поздравляю с «новорожденной»... Видите, не обманула, приехала и подружку свою Натали Зараеву привезла с собою, – и она представила высокую шатенку хозяйке дома.

– Мамочка! Tante Натали... Наконец-то!.. А без вас тут столько всего было! – и Толя с Валею наперерыв стали рассказывать происшествие с Сонечкой.

Полковница Сливинская встревожилась, бросилась к дочери, стала расспрашивать ее: не больно ли ей еще? прошел ли ушиб? не испугалась ли она?

Но Сонечка уже успела отойти от испуга и волнения и со смехом рассказывала матери о своем подневольном кружении.

– А знаете ли что, господа? – предложил полковник Сливинский детям. – Пробежитесь-ка по саду. Ночь дивная... теплая, точно июнь на дворе... И Сонина голова освежится, по крайней мере.

– Отлично! Отлично! Идемте в сад скорее! – оживилась молодежь.

– А Галя? Что делать с нею? Нельзя же ее оставить так! – озабоченно произнес Счастливчик.

– Вашу Галю вы оставите мне! – произнесла tante

Натали, как ее называли дети Сливииских. – И будьте покойны, я ее утешу.

Взяв за руку все еще тихо плакавшую Галю, красивая дама отвела ее в дальний уголок залы, посадила на колени и, обвив рукою плечи девочки, спросила:

– О чем ты, моя крошка? Кто обидел тебя? Скажи, и, может быть, мы пособим твоему горю...

Ее тихий нежный голос сразу подействовал на Галю. Все еще не отрывая от лица смоченных слезами рученок, Галя невольным движением, исполненным доверия, прижалась к груди незнакомой ей дамы и прошептала:

– Мне жаль Орлю... Все считают его нехорошим, злым... а он добрый. Он, чтобы спасти меня... обещал цыганам коня украсть... И его чуть не убил злой Яшка... А сам он добрый... Ради меня он много претерпел... Вы не знаете... Я вам все расскажу...

И в ожидании ответа, Галя внезапно оторвала руки от лица.

– Боже мой! Какое сходство!

Слова эти вырвались против воли из груди красивой дамы, и она впилась глазами в бледненькое личико и мокрые еще от слез глаза ребенка.

А Галя уже говорила, говорила без умолку, о своей жизни у цыган, о подвигах Орли, о своих страданиях вплоть до счастливого пребывания у добрых людей.

С замиранием сердца tante Натали вслушивалась в каждое ее слово, не отрывая глаз от лица девочки и как бы соображая и припоминая в то же время что-то.

Какая-то гнетущая дума отразилась на ее высоком лбу. Скорбная улыбка тронула губы. Глаза с бесконечной лаской остановились на белокурой головке, доверчиво прильнувшей к ее груди.

Когда Галя кончила, она горячо поцеловала ее розовевшую щечку и, осторожно спустив с рук девочку, подошла к хозяйке дома.

– Валентина Павловна, – проговорила она тихо, – вы доставили бы мне огромное удовольствие, если бы приехали ко мне со всеми детьми на денек. Вы знаете, я живу за десять верст отсюда... По соседству со Сливинскими купила себе именице... Соблаговолите взглянуть на него... И всех детей захватите... А ее... – с особенным волнением в голосе прибавила Натали и обернулась к притулившейся к ней Гале, – а ее я особенно желала бы видеть.

И она опять быстро наклонилась к девочке и со странным выражением на лице нежно-нежно поцеловала ее.

Глава IX

Ах, как хорошо! – Звезд-то, звезд сколько! – Дивная ночь!

– Не ночь, а сказка!

– Это вы из какой книжки? Ась?

– Вовсе не из книжки! Вы всегда скажете что-нибудь обидное!..

И Мимочка, смущенная и уличенная Ивасем, обидчиво передернула плечиками.

– Господа! Предлагаю пойти на лужайку, взглянуть на костры!

– Ах, как жарко они горят!

– Пойдемте! Пойдемте!

– Жаль, что Гали нет. Она очень любит смотреть на костры! – раздался среди общего шума веселых детских возгласов тихий голосок Али.

– Она с тетей Натали, успокойтесь, и, наверное, не скучает, – весело защебетала Сонечка, давно забывшая свой ушиб и испуг. – Тетя Натали всех утешить может... Папа и мама так обрадовались, что она приехала к нам и купила имение рядом с нами. Она очень, очень добрая в все исполняет, о чем ее ни попросишь.

– Вот и сочиняешь, далеко не все, – остановил сестру тринадцатилетний Толя, – небось, как ни просили

мы ее показать «таинственную комнату», она не показала.

– Какую комнату? Какую? – с любопытством окружили их все остальные дети.

– А вот, видите ли: у тети Натали есть комната в доме... постоянно запертая на ключ... Туда никто не входит, кроме самой тети... А она там просиживает долгие часы.

– Да, – вмешался в рассказ брата Валя, – и что там, в этой комнате, она не говорит.

– А ее прислуга рассказывала нашей няне, что и в том городе, где жила раньше tante Натали, точно такая же была комната и тоже запертая.

– Ах, как это интересно! – сверкая глазами, вскричала Симочка. – Я пойду, расскажу Ляле и Мик-Мику.

– Успеешь рассказать! Лучше пойдем к кострам, – остановил сестру Кира, и первый помчался на лужайку. За ним помчалась и вся ватага детей.

– Ах, чудо как хорошо! – вырвалось разом из двух десятков грудей.

Действительно, картина была величественна.

Среди темной августовской ночи ярко выделялись костры: два поменьше, один побольше. Красно-золотое пламя лизало обгоревшие остовы поленьев. Хворост трещал в огне, как огромный кузнечик в траве.

– Господа! У финнов есть обычай, – повысил голос

один из Таливеровых, Петя, считавший себя совсем взрослым, несмотря на свои четырнадцать лет, – есть обычай прыгать через костры в ночь на Ивана Купала... Не хотите ли вообразить, что мы в Финляндии, и попрыгать через огонь.

– А не сгорим? – робко осведомился Аля.

– Вот младенец! – засмеялись старшие мальчики.

– А небо на землю не упадет и не придавит тебя? – сострил Ивась.

– А пруд не выйдет из берегов и не затопит нас? – вторил ему Толя Сливинский.

– Кто трусит – отойди к сторонке! – крикнул его брат, и первый, разбежавшись, перепрыгнул через пламя меньшего костра.

За ним разбежался его брат Толя. Кира, после некоторой заминки, перепрыгнул за Ваней. Затем прыгали Гарины, Таливеровы и другие.

– И я хочу! И я! – глядя на мальчиков, рвалась вперед Симочка.

– Разве это можно! Ты девочка! – урезонивали ее подруги.

Но Симочка уже не слушала и вихрем понеслась прямо на пламя.

Раз! Два! Три! – и с громким смехом она повалилась на траву уже по ту сторону костра.

– Ай да девочка! За пояс хоть кого заткнет! Вот это

по-нашему, по-военному! – хлопая в ладоши, кричал пажик Валя.

– А знаешь, Счастливчик, твоя сестричка похрабрев тебя... Гляди, как перешагнула через пламя. А ты-то как долго собирался, трусишка, точно уездная барыня на бал! – смеясь, говорил, похлопывая по плечу Киру, лицеистик Толя.

– Что?

Вся кровь бросилась в лицо Счастливчика. Он вспыхнул до ушей, весь залился румянцем. О, никогда еще не называли его трусом за всю его коротенькую жизнь. Он никогда не проявлял еще страха, в чем бы то ни было. Ему хотелось сейчас крикнуть во весь голос этому гадкому насмешнику Толе, что он лжет. Но дыхание захватило у него в груди от волнения так, что он не мог произнести ни слова...

Ивась и Ваня спешили к нему на выручку.

– Ну, это, брат, того... врешь... Наш Кира молодец, – заступился за товарища первый, – хотя и не вышел ростом.

– Мал золотник, да дорог, – вставил второй.

– Лилипутик! Мальчик с пальчик! Игрушечка! Куда уж ему! И раз-то еле-еле перескочил, – продолжал поддразнивать лицеистик.

– Я?... Еле-еле? Я?..

Глазенки Счастливчика загорелись не менее уголь-

ков в костре. Он даже побледнел от волнения и обиды.

– Толя! Толя! Стыдитесь! – унимали его девочки.

– Я... ничего не боюсь... Я и через большой костер перепрыгну... Я... я... Смотрите.

Никто из детей не ожидал того, что произошло через полминуты вслед за этим... Никто не имел времени удержать Киру...

Маленькая фигурка разбежалась... широко расставляя крошечные ноги... Прыжок... и... отчаянный вопль нарушил тишину ночи...

Маленькая фигурка Счастличика исчезла в огне...

Глава X

Дети замерли на месте, исполненные ужаса, близкие к потере сознания, – все до одного. Маленькая жизнь гнула у них на глазах, жизнь всеми любимого, обаятельного, чуткого мальчика, которому они не могли ничем помочь. Не могли ничем!

Широко раскрытыми глазами, полными отчаяния, смотрели они на корчившуюся в огне фигурку... Одни кричали истерически, другим сделалось дурно.

Вдруг что-то красное выскочило из куста и метнулось к костру.

– Шура! Шура! Куда он? Безумный! – послышался новый отчаянный крик детей.

Но было уже поздно...

Красная рубашка цыганенка исчезла в огне.

И новый вопль, уже не испуганный, а радостный, прорезал воцарившееся было, полное ужаса безмолвие.

– Спасены!.. Шура его спас! Шура!

Красная рубашка выскочила из огня, вся объятая пламенем...

Охваченная тем же пламенем фигурка Счастливчика была на руках Орли.

В три прыжка мальчик, не выпуская своей ноши, до-

стиг берега пруда, скатился по крутому его берегу в воду и погрузился в нее вместе с Кирой...

* * *

– Живы! Не сгорели! Обожглись только сильно! Господи! Господи! Ужас какой! Больно тебе? Очень больно, Счастливчик?

Длинные кудри Киры обгорели, костюм повис безобразными черными лохмотьями на его теле, сам он дышал с трудом...

Но он был жив... А это было главное.

Сильные ожоги на руках, которыми он успел закрыть лицо в роковую минуту, натянулись пузырями... С него стекала вода... Ручьями стекала она и с Орли, но они были живы и невредимы оба – и потерпевший Счастливчик, и его самоотверженный и находчивый спаситель, цыганенок.

– К бабушке! Скорее к бабушке! Домой! Домой! – рыдая, кричала Симочка, кидаясь к Счастливчику, которого по-прежнему держал на руках Орля, весь мокрый до нитки, но безумно счастливый удачным спасением своего товарища.

Тут же, на берегу пруда, на лужайке, ломая руки метался Толя.

– Из-за меня это! Из-за меня! – лепетал он сквозь

слезы. – Прости меня! Прости, Счастливчик!

Кто-то из девочек сбросил тальму, укутав ею Киру... Кто-то накинул платок на дрожащего Орлю, и их повели в дом, крича по дороге о происшествии бегущей навстречу прислуге.

* * *

Что было потом – вряд ли могли ответить и взрослые и дети...

Рыдала бабушка, рыдала Ляля, целуя и обнимая Счастливчика.

Его отнесли в спальню. В ожидании приезда доктора намазали мазью и мылом обожженные места, напоили горячей малиной, дали успокоительное лекарство, забинтовали его раны и опять целовали и ласкали общего любимца.

Он был жив, милый маленький Счастливчик. Он был здоров и почти спокоен.

Когда бабушка поняла это, она бросилась разыскивать его спасителя.

Валентина Павловна нашла Орлю, забившегося в угол и что-то бурчавшего себе под нос на все вопросы и восторженные восклицания окружавших его детей.

– Он, Шура, – герой! Он настоящий герой! – слышалось вокруг присмирившего цыганенка.

– Дай мне пожать твою руку, товарищ! Если бы не ты, Счастливец... – и Толя Сливинский остановился на полуслове, вздрогнув с головы до ног, потом продолжал, переведя дыхание. – Ты выручил Киру, – заключил печальным голосом мальчик.

– Какой вы смелый! Какой вы храбрый! Как вы не побоялись прыгнуть в огонь! – восклицали девочки, окружая маленького цыганенка. – Как догадались после броситься в воду с Кирой, чтобы затушить пожар!

– Молодец! Отважный мальчуган, что и говорить! – сказал полковник Сливинский. – Охотно извиняюсь, брат, за мое прежнее о тебе нелестное мнение.

Вдруг все замолкли и расступились, давая дорогу Валентине Павловне, пропуская ее к виновнику общей радости.

Предчувствуя, что что-то должно неминуемо случиться с ним в эту минуту, Орля неуклюже поднялся с места и сделал шаг, другой навстречу Раевой. Он успел сменить обгоревшую блузу на крепкую. Его иссиня-черные кудри без слов говорили о пережитой катастрофе. Они выгорели местами до самого темени, и огромные плешины белелись здесь и там на его голове.

Бабушка, не говоря ни слова, обвинила бедную пострадавшую голову, прижала ее к своей старческой груди и проговорила сквозь тихое, чуть слышное ры-

дание, вырвавшееся из ее груди:

– Мой мальчик! Мой дорогой мальчик!.. Славный, чуткий, хороший! Знай: ты сделал то, чего не сделал бы другой ребенок. Ты жизнью своею жертвовал за Киру... Мой добрый мальчик, за это... Слушай: мой дом будет твоим домом... Мой Кира – твоим братом... и братом твоей Гали... Моя Ляля и Симочка – вашими сестрами, а я... я... Шура, мой любимый, старой бабушкой твоей буду я... Растите с моими внуками... Будьте счастливы у нас... О вас я позабочусь как о собственных детях...

И, не сдерживая больше душивших ее рыданий, Валентина Павловна горячо поцеловала обезображенную огнем голову цыганенка, инстинктивно прильнувшего к ее груди.

– Ну, не прав ли я был, говоря, что у нашего Щелчка добрая душа, душа героя? – проговорил Мик-Мик, незаметно пожимая смуглую руку Орли.

За другую руку его держалась Галя. Все случившееся казалось девочке страшным сказочным сном. У них, безродных таборных цыганят, была теперь семья, добрый брат, милая сестра и ласковая, бесконечно ласковая бабушка!.. И тихая радость наполнила маленькое трепетное сердечко Гали... Солнышко счастья улыбнулось ей, казалось, сейчас весело и светло. Наконец-то оценили ее Орлю, признали его доб-

рым, смелым и благородным, каким он был всегда во мнении его названной сестры!..

И солнышко счастья разгоралось все ярче и ярче в душе сиротки.

Мысли девочки были так заняты всеобщим добрым отношением к ее любимому братику, что она не заметила, как два темных бархатных глаза издали наблюдали за нею, ни на минуту не отрываясь от нее.

Странная улыбка блуждала по лицу красивой Натальи Зараевой, когда она шептала взволнованно временами, точно в забытьи:

– Как она похожа! Какое удивительное сходство! Неужели я ошибаюсь! Нет! Нет! Этого не может быть! Надо узнать! Непременно! Во что бы то ни стало!

И снова темные глаза впивались бархатным, влажным от волнения взором в оживленное личико Гали, не отходившей теперь от братика ни на один шаг...

Глава XI

Приближалось двадцатое августа, день отъезда Раевых из усадьбы.

Счастливчик был здоров. Ожоги прошли на рунах и теле. Прошло и тяжелое воспоминание о роковых секундах в огне. Зато в душе мальчика прибавилось новое чувство, чувство бесконечной преданности и любви к отважному цыгану.

Да и не у него одного: все в доме привязались к Оре. – Счастливчика спас! Нашего Счастливчика! Сокровище наше! Кто бы мог думать, что этот злой, сердитый, скверный, как нам казалось, мальчик способен на такой подвиг? Герой он, маленький герой, вот что! – говорилось в господских комнатах и на кухне, в барском доме и в пристройках – в людских.

Даже няня Степановна изменила свое прежнее мнение об Орле.

– Басурман-то он басурман, а сердце у него чудное, что и говорить... Ради другого в огонь не каждый сунется, – говорила она.

– Одно слово – герой, – поддакивал Франц.

Что касается детей, то они всячески наперерыв старались доказать свою привязанность Орле. Его одадряли подарками, уступали ему в играх, помогали в

занятиях. Даже Ивась и Ваня, дразнившие его до сих пор, теперь, преисполненные глубокого уважения к его геройству, позабыли, казалось, его прозвище Щелчка.

На другой же день после рокового случая бабушка пригласила к себе в комнату Мик-Мика, monsieur Диро и Аврору Васильевну, велела закрыть плотно дверь и о чем-то долго-долго с ними совещалась.

О чем – этого не знал ни Счастличик, ни Ивась, ни Ваня, ни Орля.

Мальчики узнали, однако, «тайну» в тот же день: оказалось, что на совещании, по предложению бабушки, решено было, что Орлю возьмут в город и отдадут в ту же гимназию, где учился Кира, предварительно подготовив его за год с помощью Мик-Мика, Авроры Васильевны и добрейшего monsieur Диро.

Не откладывая дела в долгий ящик. Мик-Мик в тот же день принялся за своего нового ученика.

И Орля стал усердно учиться. Сначала ему было как будто трудно, но затем дело пошло отлично.

Но не один только Орля занимался: Галя и Симочка тоже усердно учились под руководством гувернантки и Ляли, предложившей свою помощь.

Словом, жизнь маленьких сирот круто изменилась во всем.

Глава XII

«Глубокоуважаемая Валентина Павловна! Надеюсь, вы не забыли вашего обещания привезти ко мне детей. Теперь, когда ваш Счастливчик вполне оправился после этого ужасного случая, я позволю себе напомнить о себе. Прошу вас приехать всем „домом“ сегодня в мое „Тихое“. Будут и ваши друзья Сливинские. Жду с нетерпением и очень прошу взять обоих „цыганят“. Особенно Галю. Это необходимо для меня и для нее.

Ваша Натали Зараева».

Получив рано утром эти строки с прискакавшим из «Тихого» работником, Валентина Павловна глубоко задумалась над окончанием письма, подчеркнутым красными чернилами: «Особенно Галю. Это необходимо для меня и для нее».

– Что бы это могло быть? – думала старушка. Вокруг нее толпились дети, сгорая нетерпением узнать, что было в письме.

– Едем! Едем в «Тихое»! Ура! Ура! Десять верст на лошадях едем! – восторженными кликами вырвалось из маленькой, но шумной толпы, когда Валентина Павловна передала им приглашение.

– Бабушка, милая! Позвольте мне быть распоряди-

телем. Я живо улажу, кому как ехать, – прыгая козленком вокруг бабушки, кричал Кира и, получив ее согласие, живо затараторил:

– Мы запряжем большую коляску: вы, Аврора Васильевна, Ляля, Ами. Симочка и Галя поедете в ней. Шура на козлах. Мик-Мик, Ивась, Вася и я – верхом. Мик-Мик на Чугунчике, Ивась на Разгуляе, Ваня на Скором, я на Ахил...

И вдруг Кира осекся...

Где же Ахилл?.. Тю-тю Ахилл! Как он мог забыть об этом? Непростительная рассеянность! Зачем огорчать Шуру, напоминая ему его вину, когда тот спас жизнь ему, Кире, и этим искупил все!..

Неловкое молчание воцарилось среди присутствующих. Всем стало не по себе.

Потупив глаза в землю, закусив губы, мрачный и бледный, стоял Орля в стороне от других. Слова Счастливого резнули его по сердцу.

«Нет, видно, не забудется моя вина», – без слов говорило угрюмое лицо мальчика.

В одну минуту Счастливчик был подле него.

– Шурик! Голубчик! Прости ты меня... Я не нарочно... Ужаснейший я дурень, Шура... – со слезами в голосе шептал чуткий мальчик.

– Господа! О чем тут толковать? – внезапно раздался бодрый голос доброго волшебника, Мик-Мика, сра-

зу нарушивший своими веселыми нотками тяжелую минуту. – Едем в двух экипажах: в одной коляске все, кого перечислил Счастливчик, кроме Симочки, в другой мои головорезы со мною, и Шура с нами... А Симочка поскачет, в заключение, единичным номером, верхом на палочке, за то, что кофе разлила на скатерть сегодня, утром.

– Ха-ха-ха! Неправда! Это вы разлили, Мик-Мик. Ха-ха-ха! – смеялась Симочка, а за нею и все дети.

– Вам и ехать на палочке! Ха-ха-ха!

– Ну, ладно, тогда Симочка на козлах.

– Вот еще!

– Господа! Не будем пререкаться. Золотое время уходит. Счастливчик, сбегай к Андрону, вели запрягать.

– Галопом скачите, Счастливчик.

– Скачу! Скачу! Меня нет! Уррра!

Глава XIII

Как дивно хороша осенняя дорога!.. Кругом разбегается желтое море убранных нив, дальше леса, чуть тронутые багрянцем, чуть посыпанные золотою пудрою едва пожелтевшей августовской листвы. В просветы начавших опадать деревьев мелькают синие воды реки... Приятное, ласковое и нежаркое августовское солнце.

Звонят бубенчики под дугою. Первой тройкой правит Андрон, второй – парой – молодой конюх Ванюша.

В первом экипаже чинно и тихо. Там бабушка, Ами, Аврора Васильевна, девочки.

– Там старички, – подмигивает на передовых Ивась.

– А самая древняя старушенция – Симочка! – вторит Ваня.

– Тезка! – обращается он к молодому вознице Ванюше. – А ну-ка, перегони их!

– Жарь, Ваня, в мою голову! – хохочет Счастличик.

– Слушаю, молодые господа!

Ванюша-конюх немногим старше своих седоков – ему недавно минуло пятнадцать, – поэтому он не прочь порезвиться и пошалить.

– Эй, родимые, выручай! – натянув вожжи, лихо вскрикивает он на лошадей.

С горки на горку,
Барин даст на водку.

– Эй, берегись, кому жизнь дорога, сторонись!

– Важно! Вот это важно! По-нашему – по-хохлацки! – визжит в восторге Ивась, в то время как робкий Аля Голубин хватается за руку Мик-Мика, исполненный страха.

– А мы не разобьемся? – испуганно шепчет он.

– Аля, милая девочка, не бойся! Не посрами гимназии родной! – запекает басом Ваня Курнышов и, сорвав в неистовстве фуражку, размахивает ею, как флагом, над головой.

Лошади несутся рысью. Экипаж не катится, а летит по мягкой ровной дороге.

Вот поравнялись с передовыми путниками.

– Наше вам почтение! Вот мы!

– Осторожнее! Осторожнее! Они разобьются на смерть! Иван! Ванюша! Не смей гонять лошадей! – волнуется бабушка в своей коляске.

– Симочка! Отменная девица! Не желаешь ли яблочка? – предлагает Мик-Мик, и румяный плод падает на колени Симе.

– А вы сами без яблока, как же? – улыбается та.

– Есть не могу! В этой бешеной скачке язык прогло-

тил, – смеется Мирский.

– Он шутит! Он шутит! Думает, что у нас нет больше яблок! А у нас еще два десятка! – хохочут дети. – Мы с запасцем. Галя, Симочка, Ляля, ловите!

Из одной коляски в другую летят в виде маленьких боевых гранат вкусные румяные плоды. Целый град их, целый запас. Девочки ловят их со смехом. Аврора Васильевна волнуется и говорит, что это неприлично: так бросаются только уличные дети.

Monsieur Диро очень беспокоится за участь своего пенсне:

– О, мои очки... Они разобьются... и я останься без очков! – кричит он, невозможно ломая русский язык.

Но вторая коляска уже промчалась, далеко опередив первую; из нее доносится веселый смех...

Один Орля только грустен среди общего веселья. Невольно сорвавшаяся с губ Счастливича фраза об исчезнувшем Ахилле не дает ему покоя.

Из-за него добрый, милый барчонок Кира, из-за него, Орли, лишился своего сокровища! А чем ему оплатили за его поступок? Его обули, одели, приняли, как родного, в дом, человеком сулят сделать, «баринном», и Галю тоже ровно барышню воспитают, а онто... Эх! Правда, он вытащил из огня Киру... Да ведь он должен был это сделать, и нечего за это себя пре-

возвышать. Не давать же было погибать человеческой жизни. Подумаешь, геройство какое! Нет, не стоит он всего этого счастья, так незаслуженно посыпавшегося на него и сестренку. Обездолит он Кирушку, обокрал его...

И мрачно блуждают по сторонам глаза цыганенка. Хмурятся черные брови... Затихает он в своем уголке.

Видя настроение Орли, никто не хочет его тревожить. Все делают вид, что не замечают грусти Орли, его тоски, чтобы не раздражать легко воспламеняющегося гневом мальчика.

А лошади все мчатся вперед да вперед, и неистово заливаются колокольчики под дугой...

Глава XIV

Проехали верст восемь, еще две остаются... Миновали поля, въехали в лес.

Здесь хорошо и привольно. Не пыльно, прохладно, тенисто. Пахнет смолою, грибами и тем, чуть заметным, запахом, который несет с собою осень.

Глаза Орли жадным взором впиваются в чащу. Вдруг невольный крик, готовый вырваться от неожиданности, замирает на его губах.

Среди начавшейся золотиться и багроветь по-осеннему чащи он видит грязно-серые пятна... Потом что-то высится яркое над кустами. Одновременно слышится какая-то возня и как бы задавленное ржание лошади...

Взор Орли зорче проникает в чащу... Что-то пестрое, ярко-красное, наполовину с желтым и зеленым, висит прицепленное к ветке дерева... Какие-то лохмотья...

Едва сдерживая свое волнение, мальчик потянул носом. Так и есть – запах гари!..

Поднял голову: чуть заметной струйкой вьется дымок над шатрами кустов и деревьев.

– Цыгане! Табор! Наш табор! – вихрем пронеслась в голове Орли быстрая мысль.

Его соколиные, по зоркости, глаза заметили все тог чего не видели другие. Неимоверно развитые жизнью среди природы слух и обоняние подтвердили догадку.

Мальчики и Мик-Мик не могли заметить там, далеко в чаще, ни спрятанных в кустах телег с навесами, ни сушившихся на дереве цыганских лохмотьев, ни высокого шеста с красной тряпкой, который служил как бы флагом и знаменем дяди Иванки.

Этот красный значок был значком их табора, и теперь в присутствии здесь дяди Иванки со всей его цыганской семьей Орля не сомневался больше.

* * *

– Наконец-то!.. А я уж думала, не дождусь дорогих гостей!

Натали Зараева стояла на крыльце своего домика, утонувшего в зелени акаций и сирени, окруженная детьми Сливинскими: веселой институткой Сонечкой, Катей, Толей и Валером. Тут же, с трубкой во рту, находился сам полковник, под руку с женой.

Тетя Натали была в простом темном платье. На ее печальном лице играла какая-то странная, загадочная улыбка. Она протягивала руки приезжим и издали кивала головою.

– Добро пожаловать, дорогие гости!.. Пожалуйте в столовую!.. Обед на столе!

Дети с шумом выскочили из экипажей и стали здороваться с семьёю Слививских.

– Tante Natalie! Можно перед обедом обежать сад и показать его нашим друзьям? – ласкаясь, как кошечка, просила Сонечка.

– Обед на столе, мы ждем вас! – успела только ответить та.

Но шумная ватага, вырвавшись из гостиной, уже мчалась по запущенным аллеям сада.

– Господа! Я нарочно привела вас сюда, – говорила через минуту Сонечка, запыхавшись от быстрого бега, останавливаясь в отдаленном уголку сада, – сюда на эту площадку. Слушайте, нас ждет сегодня большой сюрприз.

– Сонька подслушала его, когда tante Natalie говорила с маман, – вставил свое слово Валя.

– Неправда! Неправда! – вспыхнула девочка. – Tante Natalie сама сказала мне, что сегодня поведет нас в таинственную комнату и – ах! – что мы там увидим! – и Сонечка на минуту даже зажмурила глаза.

– Что? Что увидим? – заинтересовались дети.

– Она и сама не знает, – заявил Толя.

– Я и сама не знаю. Но... tante Natalie сказала, что мы увидим там что-то особенное, – проговорила его

сестра.

– А что же ты не говоришь, что tante Natalie обещала нам рассказать интересную историю после обеда? – напомнил Валя.

– Да! Да! И историю расскажет, и в таинственную комнату поведет, – подхватили хором дети Сливинские.

– Обедать, детвора! Суп остынет! – услышались голоса старших в открытые окна столовой.

И вся ватага понеслась к дому.

Какой вкусный был обед у tante Natalie! Каким очаровательным десертом угостила она своих гостей!

Но странно. Г-жа Зараева не притрагивалась ни к одному блюду, и, когда раскладывала кушанья по тарелкам гостей, руки у нее дрожали как в лихорадке. А глаза подолгу останавливались на личике сидевшей подле нее Гали.

Едва успел кончиться обед, как хозяйка поднялась с места.

– Я попрошу вас, дорогое друзья, уделить мне несколько минут внимания. – произнесла она взволнованным голосом, проходя в гостиную впереди гостей. – Присядьте, господа, и послушайте меня. Я хочу вам рассказать небольшую историю юности одной моей знакомой, которая должна заинтересовать вас всех. Вы разрешите?

– Помилуйте! Мы очень рады, – отозвались взрослые.

– Рассказывайте! Рассказывайте! Мы все внимательно слушаем, вас, tante Natalie! – неистово кричали дети.

И несколько десятков глаз жадно уставились в ее лицо.

Г-жа Зараева обвела своими печальными глазами слушателей и начала свой рассказ.

Глава XV

В небольшом южном бессарабском городке, – так начала свой рассказ г-жа Зараева, – жили две сестры: одна из них – молодая вдова с ребенком – девочкой, другая – девушка, лет шесть перед тем окончившая институт.

Обе сестры жили в своем имении в полном затишье, несмотря на то что были богаты. Смерть мужа старшей из них тяжело отозвалась на обеих, и их не манило уже больше к веселой светской жизни. Обе они всецело ушли в воспитание крошечной девочки, их единственной радости и сокровища, дочери молодой вдовы.

Эта крошка была прелестное кроткое существо со светлыми глазами и льняными волосами. Грациозная, изящная, она уже двух лет от роду утешала мать и тетку своим умом, послушанием, сообразительностью и ласками. Сестры мечтали уже видеть ее счастливой, умной, красивой девушкой, как вдруг ужасное горе обрушилось на маленькую семью.

Однажды летом девочка нечаянно вышла из сада на берег реки и исчезла... По следом на земле убедились, что она пошла к крутому берегу речки. Здесь следы терялись... Не было никакого сомнения, что

девочка, подойдя к краю берега, оступилась, упала в воду и утонула. Так решили все в один голос.

Обезумевшие от горя мать и тетка созвали всех окрестных крестьян искать маленький трупик в реке... Его не нашли. Должно быть, малютку далеко унесло течением...

Горе так сразило мать девочки, что она вскоре умерла, а осиротевшая сестра ее поспешила уехать из ужасного места несчастья, продав усадьбу. Она решила – чтобы как-нибудь заглушить горе, – путешествуя, кочуя с места на место, утопить в постоянной смене впечатлений свою тоску.

Прошло много лет. Усталость взяла свое. Девушка утомилась и, желая отдохнуть немного от кочевок, устроилась неподалеку от своих друзей в крошечной усадьбе, окруженной лесами и полями.

Как-то раз в одном из домов соседних с нею помещиков она встретила девочку, похожую на свою покойную племянницу настолько, что сразу полюбила ее, привязалась к ней. Эта девочка своими льняными волосами и светлыми кроткими глазками напомнила ей так живо дорогую покойницу, что она снова почувствовала себя счастливой в присутствии этой девочки.

Tante Natalie умолкла на минуту, а затем вдруг, как бы опомнившись, прибавила, обводя странно заблестевшими глазами присутствующих:

– Дети, я обещала вам показать таинственную комнату! Эта комната находится в связи с моим рассказом... Пойдемте, дети, пойдя и ты, Галя, дитя мое! Дай мне руку, я хочу пойти туда рядом с тобою.

И, странно взволнованная, с непонятным трепетом в побледневшем лице, Натали поднялась с места.

Поднялись и все остальные, недоумевающие, удивленные, и последовали за нею.

– Я знаю, она рассказывала случай из своей жизни, – произнесла полковница шепотом мужу.

– И эта маленькая цыганочка, по-видимому, напоминает ей утонувшую племянницу, – ответил тем же шепотом тот, и они поспешили в таинственную комнату следом за остальными.

Глава XVI

Странное чувство охватило Галю с той минуты, как Натали начала свой рассказ. Темные глаза рассказчицы то и дело останавливались на ее лице. И эти глаза, полные тоски и грусти, напоминали девочке чьи-то ласковые, давно забытые взоры... Постепенно все яснее и яснее выступали эти взоры в памяти Гали... И еще другие, еще более дорогие, любящие... А за ними выступали деревья широко разросшегося фруктового сада, уютный маленький домик и река... И крошка-девочка в белом платице с распущенными волосами в зелени сада и на берегу реки... Потом чей-то темный силуэт представлялся Гале... Черная женщина в ярких лохмотьях, появившаяся внезапно и утащившая девочку в лес... А потом... нищие грубые цыгане... брань, крики, побои... и Орля... милый Орля, защитник и ангел-хранитель девочки...

– Вот мы и пришли! – внезапно послышался над головою Гали дрогнувший голос.

Затем щелкнул замок в двери. Широко распахнулась она, и все очутились в небольшой комнате, оклеенной светлыми обоями, с окном, завешенным кисейной занавеской. В одном углу комнаты стояла детская кроватка под белоснежным кисейным пологом, в дру-

гом – стол с массою игрушек, разбросанных на нем и в углу, на ковре. Точно здесь только что находилась девочка, хозяйка этого уголка.

Лишь только Галя переступила порог комнатки, светлое, как луч солнца, воспоминание прорезало маленькую головку...

Ведь эту кроватку, эти игрушки, эту занавеску и ковер она помнит, знает, хорошо знает... И вот ту куклу с отбитым носом. Да, да, да, ведь это ее кукла Дуся, ее Дуся! Та самая Дуся, с которой она когда-то играла по целым дням!

Все светлее, все яснее и настойчивее проникает воспоминание в белокурую головку девочки... Прошлое поднимается из недр души, воскресла память...

Да, нет сомнения, это ее кровать, ее кукла, ее игрушки... А там... Она поднимает глаза на стену... Там над кроваткой каждый раз, прежде чем уснуть, она видела ее – портрет тон, которая сидела около ее кровати, портрет ее матери...

Вот он! Так и есть! А с ним рядом другой...

– Мама! – вырвалось громким неожиданным криком из груди девочки, и она протянула к портрету руки. – Мама! Мама! Мама!

– Верочка! Крошка моя! Это я – твоя тетя!

Натали бросилась к Гале, и град иступленных поцелуев посыпался на лицо, шею, волосы и руки де-

вочки. Слезы ручьем полились из глаз Зараевой, смочили льняную голову и платье ребенка.

И Галя плакала и прижималась к груди девушки. – Верочка! Моя Верочка!.. Племянница моя ненаглядная!.. – шептала Натали, смеясь и плача от счастья. – Крошечка моя!.. Я тебя узнала, узнала сразу!.. Ведь все эти восемь лет я жила мыслью о тебе!.. Я верила в твою смерть, но... все же надеялась смутно, что увижу, встречу мою крошку... Как видишь, я все твои вещи привезла из старой усадьбы... окружила себя ими и среди них, твоих игрушек, подле твоей пустой кровати, проводила взаперти целые часы, вспоминая свою Верочку, тоскуя по ней... Бог видел мое горе и смилостивился надо мною, вернул мне тебя... О, теперь я никогда не расстанусь с тобою, с моей бесценной, единственной, родной моей племянницей, сокровищем моим. Я заменю тебе покойную маму, я всю жизнь положу для тебя, счастье мое, дорогая, милая, родная моя деточка.

И опять нежные руки обвивали шею Гали, а горячие трепещущие губы Натали осыпали градом поцелуев ее лицо.

Девочка отвечала такими же поцелуями и ласками... Память ее пробудилась вполне и подсказывала картины детства одну за другою, одну за другою...

– Тетечка! Наташечка! Тетечка моя! – лепетала она

тихо, застенчиво прижимаясь к Натали и робко возвращая ей поцелуи и ласки.

Все присутствующие были взволнованы, потрясены этой сценой. В глазах взрослых стояли слезы. Девочки плакали. Растроганные, потрясенные, плакали и Счастливчик с Алей. Подозрительно долго сморкался Ивась. А Ваня Курнышов что-то очень усердно занимался мухой па стене и ожесточенно кусал себе губы.

Никто не объяснил, как эта цыганочка Галя могла быть Верочкой, потерянной, погибшей племянницей tante Natalie. Но все догадались, что тогда, восемь лет назад, девочка, которую считали погибшей, не утонула в речке, а попала к цыганам, которые увели ее в табор и держали вместе со своими цыганскими детьми.

Несколько минут в комнате все молчали.

– Валентина Павловна! – произнесла, наконец, едва-едва подавив свое волнение, Натали. – Благодарю вас от души за Верочку... Спасибо, добрая душа, что приютили мою крошку, спасибо за все, за все, сделанное ей. Сегодня же я возьму ее к себе в дом. Вы понимаете мои чувства. Я нашла мое сокровище и не разлучусь с нею...

– А Орля? – неожиданно прозвучал среди воцарившейся затем тишины нежный голосок Гали.

– Какой Орля?

– Шура! Мой братик! Ах, тетечка, я ни за что не расстанусь с ним! – и девочка, отбежав от тетки, бросилась к угрюмо стоявшему в уголке Орле, схватила его за руку и вывела вперед. – Вот, тетечка, мой братик... Если бы не он, меня насмерть забили бы цыгане или я голодной смертью погибла бы в лесу.

И Галя тут же, волнуясь, дрожа, бледнея и краснея, стала передавать всю историю своей тяжелой жизни у цыган.

– Орля... С Орлей... Если бы не Орля... А Орля... – то и дело срывалось с ее губ.

Пока она говорила, перед Натали разворачивались ужасные обстоятельства жизни ее племянницы в таборе. Она поняла одно: если бы не этот курчавый, угрюмый па вид мальчик, ей бы не увидеть больше никогда своей Верочки. И она протянула руку курчавому мальчику, с глубоким захватывающим чувством сказав при этом:

– Ты будешь у меня первым моим другом и племянником наравне с Верочкой. Я позабочусь о твоём будущем... Только попроси Валентину Павловну отпустить тебя ко мне навсегда.

– О, что касается меня, – живо произнесла Раева, – я не могу держать Шуру насильно. Пусть решает сам, где ему лучше. Решай, мой друг, никто не принуждает тебя.

Глубокое молчание воцарилось в комнате. Все глаза устремились на Орлю. Все с нетерпением ждали его слов.

Но мальчик молчал. Жилы на лбу у него надулись, он потупился в землю, до боли закусил губы. Тяжелая непосильная работа происходила в его душе.

Он не мог, с одной стороны, заплатить неблагодарностью добрым людям, с другой – не мог расстаться с Галькой, не мог ни за что. Последний довод ударился в его мысли с необычайной силой... Он до крови закусил губу, потом тряхнул головою, точно сбрасывая непосильную тяжесть с плеч, и не то простонал, не то прокричал резко:

– Я с Галькой хочу вместе.

А затем круто повернулся на каблуках и стремительно выскочил за дверь.

Глава XVII

Орля не бежал, а мчался, едва касаясь земли. Мчался по комнатам, по саду, по дороге. Мчался по лесной тропинке, начинавшейся сразу за домом, мчался не оглядываясь, изо всех сил, точно огромная толпа преследователей гналась за ним по пятам. Стыд, мучительное чувство причиненной им неблагодарности гнало его куда-то. Куда – он и сам не знал. Мысли вихрем неслись у него в голове, мысли, бросившие его в краску, стыд и негодование.

«Хорош гусь – нечего сказать... Отплатил господам за хлеб, за соль!.. – слышал точно Орля чей-то голос. – Позвала другая благодетельница, а я и обрадовался!.. Возьмите, мол, меня с Галькой заодно. Уж куда как хорошо!.. Не щелчок я, а просто кошачья душа непривязчивая – и весь сказ тут!..»

Но в то время, как эти мысли теснились в голове мальчика, сердце его расцветало от счастья.

– Галька-то, Галька! Радость нашла какую! Тетку нашла, дом родной, семью. И меня, своего братика, в радости не забыла. Эх, золото девчонка. Дай ей Бог...

И лицо Орли, помимо воли, расплзлось в улыбку. – А все ж таки домой не пойду, пока не уедут «наши»... Раевские... Стыдно глаза перед ними показать:

перед барыней-бабушкой, барышней Лялей... Перед Кирушкой тоже... Они меня за внука, за брата приняли, а я-то им отплатил...

Нестерпимая усталость заставила наконец остановиться Орлю. Тяжело переводя дух, он стал как вкопанный, оглядываясь по сторонам.

Что это? Шест с красной тряпкой в двадцати шагах от него!.. И пестрые лохмотья тоже!.. Вон и серые пятна холщовых навесов телег виднеются сквозь листву... Значит, он у табора... Около него... Орля вытянул шею, потянул носом. Так и есть – запах гари, неизбежный последок догоравшего костра. И откуда-то смутно доносятся голоса, знакомые гортанные голоса, заглушённые расстоянием.

Вдруг неожиданный звук прорезал тишину леса. Где-то поблизости заржала лошадь.

Орля вздрогнул всем телом и насторожился.

Новое ржание, молодое, задорное, сильного юного, коня.

Это не таборные клячи, нет. Их голос Орля различит из тысячи лошадиных. Нет, это...

«Ахилл!» – вдруг вихрем пронизала его голову острая, как жало, мысль... Это Кирочкин Ахилл! Его не сбыли, не продали, он еще в таборе! А раз он в таборе... О, не посылает ли судьба ему, Орле, возможность возвратить Ахилла старым хозяевам и хоть

этим отплатить им за все их благодеяния и искупить свою вину перед ними?

Все тело мальчика задрожало сильнее... Сердце заработало с удвоенной силой... Глаза вспыхнули, как угольки...

– Ага! Знаю, что надо делать... – процедил он сквозь зубы и... как сноп, повалился на траву.

* * *

Он лежал на спине долго, очень долго... Постепенно темнело в лесу, а на бархатном небе зажигались звезды...

Откуда-то издали доносились до него призывные крики детских голосов:

– Шура! Шура! Где ты? Пора ехать! Мы скоро уезжаем... Шу-р-а-а! Ау!

Мелькали красные огоньки фонарей между деревьев. Его искали... Но он не подавал вида, что слышит этот зов.

Когда осенний вечер опустился на землю и в лесу стало темно, как в могиле, Орля перевернулся на живот и пополз, как змея, прячась в кустах и в высокой сухой траве.

Он полз на запах гари, в ту сторону, откуда слышались заглушённые расстоянием голоса... Вот они бли-

же, ближе; вон мелькает небольшое пламя... Это маленький костер...

Дальше, дальше ползет мальчик, шурша опавшими листьями, извиваясь змеею. Теперь уже ему хорошо слышна знакомая цыганская речь... Сквозь деревья видны сидящие у костра люди...

Так и есть, это они. Дядя Иванка, подле длинный Яшка... Земфира... Мароя... Михалка... Денис... В руках Яшки ружье, очевидно приобретенное недавно... Он любуется им, поворачивая вправо и влево, прицеливаясь на верхушки деревьев, облитые светом костра... А там, подальше, другой костер, уже потухший, и около него пасутся таборные лошади и тот, чужой красавец Ахилл. Его Орля узнал сразу по стройному телу, по тонким породистым ногам и лебединой шее.

В то время, пока мальчик, нащупывая темноту глазами, измерял пространство между ним и конем, луна взошла на небе и осветила лесную лужайку.

– Ахилл! – чуть не вырвалось из груди Орли радостным звуком, и он пополз вперед, туда, к погасшему костру, стараясь как можно менее производить шума. Он был уже в десяти шагах от лошади, как глухое рычание послышалось за его плечами.

– Это Шарик таборный. Эх, беда. Не узнает – загрызет насмерть, – цепенея от ужаса, мысленно выгово-

рил Орля.

Что-то лохматое, огромное с диким рычанием ринулось на него и в ту же минуту дрыгнуло с радостным ликующим визгом.

– Шарик! Шарик! Это я – Орля! Не узнал, дурак! Громкий радостный лай собаки был ему ответом.

В один миг Шарик облизал лицо, руки, голову Орле и с тихим визгом затормошил его.

Лай, возня и визг собаки не прошли даром.

Беспокойно заворочались цыгане у костров.

– Никак кто-то прячется в кустах, – произнес дядя Иванка и первый тяжело поднялся со своего места.

– К лошадям подбирается! – крикнул Яшка и тоже вскочил на ноги, держа наперевес ружье.

– Воры! Грабители! Табор, поднимайся! – загремел в тот же миг голос дяди Иванки, и он кинулся в кусты.

Орля понял одно: медлить больше нельзя! Быстрым движением вскочил он на ноги и, оттолкнув изо всей силы радостно кидавшуюся на него собаку, бросился бешеными прыжками к привязанному у дерева Ахиллу. Трепещущими руками рванул он повод, еще раз и еще. Но крепкий ремень не поддался усилию детских рученок. Тогда, вспомнив, что в кармане его имеется перочинный нож, он выхватил его с лихорадочной поспешностью и перерезал поводья. Еще минута... и он на коне, на его лоснящейся спине, казав-

шейся серебряной при обманчивом свете месяца.
– Гип! Гип! Вперед, Ахилл! Живее! Вперед!

Глава XVIII

Сильными ногами Орля ударил Ахилла, обвил вокруг кисти руки поводья коня и рванул его на лесную тропинку в ту именно минуту, когда перед ним выросли темные силуэты цыган.

– Это он, разбойник, предатель – Орля! Изменник! Это он! Я узнал его! – неистово заорал длинный Яшка и в один прыжок очутился на спине другого таборного коня.

– Мазурик! Негодяй! Бездельник! Украл-таки! Украл! Тысячную лошадь из-под носа увел негодный! – с пеной у рта, с безумно вытаращенными от бессильной злобы глазами кричал дядя Иванка, вскакивая на другую лошадь.

– Скачи за ним. Яшка! Лови его, Михалка, Денис! Все ловите! Озолочу! Поймаете – награды не пожалю! Вернете мне лошадь! Озолочу!

Крики дяди Иванки подняли весь табор. Со всех сторон бежали женщины, дети, испуганные, разбуженные среди ночи...

– Что? Что такое? – вопили они.

– Бесенок Орля появился, как из ада, и тысячного коня увел! – кратко поясняли им.

– В погоню! В погоню!

Эта погоня не замедлила собраться в одну минуту. Среди таборных кляч была одна хорошая быстроногая лошадь, и дядя Иванка, овладев ею, мчался теперь следом за ускакавшим Орлей, держа наготове выхваченное им из рук Яшки, мимоходом, ружье.

– Стой, бесенок! – насмерть хлеща своего коня плеткой, кричал он, задыхаясь от злобы, вслед летевшему с быстротой урагана мальчику. – Стрелять буду! Стой!

Но Орля в ответ только понукал Ахилла. Вдруг что-то щелкнуло за его плечами, и в тот же миг острая жгучая боль обожгла шею мальчика...

Он тихо вскрикнул и схватился за шею рукою. Липкая, теплая красная жижица залила в тот же миг его рубаху. При свете месяца он увидел темные пятна, окрасившие рукав и грудь.

– Я ранен! Я умираю! – смутно пронеслось в помутившемся сознании мальчика, но он еще сильнее сжал ногами крутые бока лошади, судорожно ухватил повод. – Лишь бы уйти от них, доскакать... Вернуть Кире коня, а там хоть помереть... со спокойной душой...

Кровь не сочилась теперь уже, а лилась ручьем из раны. Мutilся мозг Орли, сознание уходило, но он все мчался и мчался, думая одно: нельзя ему умирать, не возвратив своим благодетелям лошади.

С каждой минутой он дышал труднее. Холодный

пот выступил у него на лбу. Силы уходили, а издали доносились угрозы отставшего цыгана.

С последними искрами сознания Орля, судорожно вцепившись в Ахилла, влетел на двор усадьбы. На крыльце стояли ее хозяйка и гости, взволнованные и встревоженные долгим отсутствием Орли.

– Вот он! Шура! Шура и... Ахилл! Смотрите! Смотрите! – вскричал, первым узнав его, Счастличик, кидаясь ему навстречу.

– Но он весь в крови! Он ранен! Шура! Шура! Откуда ты? Что с тобою?

Чьи-то быстрые руки схватили за повод лошадь. Другие протянулись к мальчику и сняли его с седла. Бережно подняли его, понесли на крыльцо.

Весь залитый кровью, белый, как его рубашка, мальчик с усилием поднял голову, обвел всех помутившимися глазами, произнес коснеющим языком:

– Я не хотел оставаться... неблагодарным... и должен был искупить свою вину... и... и... возвращаю Кирушке его Ахилла...

Тяжелый стон вырвался из его груди, а минуту спустя он потерял сознание.

Глава XIX

К счастью, рана Орли оказалась неопасной, хотя мальчик лишился чувств вследствие потери крови. Приглашенный в тот же вечер из уездного города доктор подтвердил это. Рану забинтовали, Орлю положили в постель, напоили лекарством и всю ночь поочередно дежурили у его кровати. А к утру он уже чувствовал себя настолько хорошо, что пожелал встать. Его, однако, не пустили и целую неделю продержали в постели. А вокруг него в эту неделю теснились милые, ласковые лица, ухаживая за ним, заботясь о нем, наперерыв угождая ему, спеша удовлетворить каждое его желание.

И впервые почувствовал маленький цыганенок, что жизнь прекрасна и что у него есть родные, семья и друзья.

* * *

В день отъезда Раевых Натали с Галей-Верочкой и Орлей-Шурой приехали проводить их на станцию.

– А скоро и мы за вами переберемся, – говорила Натали, сияя теперь уже не прежними печальными, а счастливыми глазами, – Шуру надо серьезно готовить

в гимназию в Петербурге, а Верочке подыскать учительницу-гувернантку.

– Я уже умею читать малость, Ляля научила! – буркнул, по привычке под нос, застенчиво Орля и потупился.

– Ан не очень-то! – подразнил его, смеясь, Счастличик. – Прочтешь, что я написал сегодня тебе? Нука, попробуй?

– Мне?

Цыганенок поднял загоревшиеся любопытством глаза.

– Вот чудно-то! Мне написал! Зачем же?

Робким движением мальчик протянул руку и взял из рук Киры небольшой конверт.

Неловкими пальцами он вскрыл его, вынул из него четырехугольный лист, бумаги и, смущенно держа его перед глазами, прочел:

– «Милый наш Шура! Мы все любим тебя, как родного... А я крепче всех... И прошу тебя принять от меня Ахилла. Он твой. Ты заслужил его. Твой друг Счастличик».

Эти строчки запрыгали перед глазами Орли. Он вспыхнул, как зарево, и весь залился румянцем счастья и стыда.

– Ахилл! Красавец Ахилл! Тысячный Ахилл – его конь! Его собственность! – ликовало и пело все внут-

ри его. Он задыхался от счастья.

Но природная стыдливость смущала душу, и он снова буркнул под нос, застенчиво опуская глаза:

– Зачем... Не надо... Он тебе самому дорог...

– Твоя жизнь дороже. А ты дважды жертвовал ею ради меня.

И Кира горячо обнял курчавую головку цыганенка, снова зардевшегося от счастья и стыда.